Научный журнал
«Эпомен»

Epomen
Scientific Journal

электронное периодическое научное издание

№ 90, Апрель 2024
No. 90, April 2024

ISSN 2686-6722

Учредитель: ООО «Эпомен»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский, проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru

© ООО «Эпомен», 2024

Состав редакции журнала

Главный редактор:
Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:
Бурда Алексей Григорьевич, д-р экон. наук, профессор
Данилова Марина Ивановна, д-р филос. наук, профессор ВАК
Дашин Алексей Викторович, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор
Дикаев Салман Умарович, д-р юрид. наук, профессор
Курдюк Петр Михайлович, д-р юрид. наук, профессор
Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, профессор
Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, профессор
Никитина Татьяна Викторовна, д-р экон. наук, профессор
Самойлов Сергей Федорович, д-р филос. наук, профессор
Сапфирова Аполлинария Александровна, д-р юрид. наук, доцент
Торосян Вардан Григорьевич, д-р филос. наук, профессор
Тебекин Алексей Васильевич, д-р. экон. наук, д-р техн.наук, профессор
Тюпаков Константин Эдуардович, д-р экон. наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна, д-р юрид. наук, профессор
Харченко Игорь Яковлевич, д-р техн. наук, профессор
Яковец Евгений Николаевич, д-р юрид. наук, профессор
Башкатов Вадим Викторович, канд. экон. наук, доцент
Еникеев Анатолий Анатольевич, канд. филос. наук, доцент ВАК
Гущина Людмила Ивановна, канд. ист. наук, доцент
Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент
Масленникова Людмила Владимировна, канд. юрид. наук, доцент ВАК
Очаковский Виктор Александрович, канд. юрид. наук, доцент
Песоцкая Елена Николаев, канд. филос. наук, доцент, профессор Российской Академии Естествознания
Руденко Евгения Юрьевна, канд. юрид. наук
Нетишинская Любовь Фёдоровна, канд. юрид. наук, доцент
Франциско Ольга Юрьевна, канд. экон. наук, доцент
Франческо Дзекка (Италия), доцент, специалист в области агропродовольственной экономики
Казарян Эдуард Сергеевич (Армения), д-р экон. наук, профессор
Варданян Гоар Вазгеновна (Армения), канд. экон. наук, профессор

http://epomen.ru/issues/2022/74/Epomen-74-2022.pdf

Марченкова Екатерина Евгеньевна (Беларусь), канд. филос. наук, доцент
Хлус Александр Михайлович (Беларусь), канд. юрид. наук, доцент
Хилюта Вадим Владимирович (Белорусь), д-р. юрид. наук, доцент
Трясунова Ольга Евгеньевна (Беларусь), старший преподаватель экономического факультета Белорусского государственного университета

Помощник главного редактора: Горбоносова Анастасия Игоревна
Младшие редакторы: Фруслов Данил Геннадьевич, Иванова Виктория Александровна

Editorial Staff

Editor-in-Chief:

Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:
Burda Aleksey Grigoryevich, Doctor of Economics, professor
Danilova Marina Ivanovna, Doctor of Philosophy, VAK[1] professor
Dashin Aleksey Viktorovich, Doctor of Law, Candidate of History, professor
Dikayev Salman Umarovich, Doctor of Law, professor
Kurdyuk Petr Mikhaylovich, Doctor of Law, professor
Mamitova Nataliya Viktorovna, Doctor of Law, professor
Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, professor
Nikitina Tatiana Viktorovna, Doctor of Economics, professor
Samoylov Sergey Fedorovich, Doctor of Philosophy, professor
Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna, Doctor of Law, assistant professor
Torosyan Vardan Grigoryevich, Doctor of Philosophy, professor
Tebekin Aleksey Vasilyevich, Doctor of Economics, Doctor of Technical Sciences, professo
Tyupakov Konstantin Eduardovich, Doctor of Economics, professor
Khalifayeva Anzhela Kurbanovna, Doctor of Law, professor
Kharchenko Igor Yakovlevich, Doctor of Technical Sciences, professor
Yakovets Evgeny Nikolaevich, doctor of law, Professor
Bashkatov Vadim Viktorovich, Candidate of Economics, assistant professor
Yenikeyev Anatoliy Anatolyevich, Candidate of Philosophy, VAK assistant professor
Gushchina Lyudmila Ivanovna, Candidate of History, assistant professor
Kondratyeva Tatyana Sergeyevna, Candidate of Philology, assistant professor
Maslennikova Lyudmila Vladimirovna, Candidate of Law, VAK assistant professor
Ochakovskiy Viktor Aleksandrovich, Candidate of Law, assistant professor
Pesotskaya Yelena Nikolayevna, Candidate of Philosophy, assistant professor, professor of the Russian Academy of Natural History
Rudenko Yevgeniya Yuryevna, Candidate of Law
Netishinskaya Lyubov Fedorovna, Candidate of Law, assistant professor
Frantsisko Olga Yuryevna, Candidate of Economics, assistant professor
Francesco Zecca (Italy), Associate Professor in Agri-Food Economics
Eduard Ghazaryan (Armenia), Doctor of Economics, professor

[1]Higher Attestation Commission (Russian: Высшая аттестационная комиссия, ВАК)

Vardanyan Gohar Vazgenovna (Armenia), Candidate of Economics, professor
Marchenkova Ekaterina Evgenievna (Belarus), Candidate of Philosophy, assistant professor
Khlus Alexander Mikhailovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor
Khilyuta Vadim Vladimirovich (Belarus), Doctor of Law, assistant professor
Tryasunova Olga Yevgenyevna (Belarus), senior lecturer of the Faculty of Economics of the Belarusian State University

Assistant Editor-in-Chief: Gorbonosova Anastasiya Igorevna
Junior editors: Fruslov Danil Gennadyevich, Ivanova Viktoriya Aleksandrovna

Содержание

Юридические науки

Грицаев С. И., Деменков В. А.
Цифровые (электронные) доказательства в уголовном процессе (стр. 8–13)

Карпинский В. Д., Косян М. С., Пивень А. В.
Актуальные проблемы правоохранительной деятельности по борьбе с преступлениями в сфере цифровых технологий (стр. 14–22)

Проскурин Н. И., Шиманская С. В.
Особенности отказа в освобождении должника от исполнения обязательств при завершении процедуры реализации имущества гражданина (стр. 23–36)

Рассказов В. Л., Резниченко А. Р.
Экономическое правосудие в советской и постсоветской России (стр. 37–46)

Петров И. В., Торопчин М. И.
Некоторые проблемы правового регулирования договора аренды зданий и сооружений (стр. 47–53)

Старина В.А., Усенко А. С.
Особенности распознавания мошенничества и киберпреступлений посредством использования систем искусственного интеллекта на территории Российской Федерации (стр. 54–66)

Лущик И. В., Хлус А. М.
Особенности тактики отдельных следственных действий с участием представителей этнических диаспор (стр. 67–76)

Хрящевская Т. А., Каленский П. В.
Сущность системы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации (стр. 77–90)

Хакуринова Д. А., Эртель Л. А.
Тактика назначения комиссионных судебно-медицинских экспертиз в расследовании преступлений, совершаемых медицинскими работниками (стр. 91–99)

Яковец Е. Н.
Создание социально-психологического портрета подозреваемого как одна из подзадач аналитической работы в сфере оперативно-розыскной деятельности (стр. 100–113)

Table of Contents

Law

Gritsayev S. I., Demenkov V. A.
Digital (electronic) evidence in criminal proceedings (pp. 8–13)

Karpinskiy V. D., Kosyan M. S., Piven A. V.
Current problems of law enforcement in the fight against crimes in the field of digital technologies (pp. 14–22)

Proskurin N. I., Shimanskaya S.V.
Peculiarities of refusal to release a debtor from fulfilling obligations upon completion of the procedure for the sale of a citizen's property (pp. 23–36)

Rasskazov V. L., Reznichenko A. R.
Economic justice in Soviet and post-Soviet Russia (pp. 37–46)

Petrov I. V., Toropchin M. I.
Some problems of legal regulation of lease agreements for buildings and structures (pp. 47–53)

Starostina V. A., Usenko A. S.
Features of fraud and cybercrime recognition through the use of artificial intelligence systems on the territory of the Russian Federation (pp. 54–66)

Lushchik I. V., Khlus A. M.
Features of the tactics of individual investigative actions with the participation of representatives of ethnic diasporas (pp. 67–76)

Hryashchevskaya T. A., Kalensky P. V.
The essence of the national security system in the Russian Federation (pp. 77–90)

Khakurinova D.A., Ertel L. A.
Tactics of appointment of commission forensic examinations in the investigation of crimes committed by medical professionals (pp. 91–99)

Yakovets E. N.
Creating a socio-psychological portrait of a suspect as one of the subtasks of analytical work in the field of operational investigative activities (pp. 100–113)

УДК/UDC 343.14

Цифровые (электронные) доказательства в уголовном процессе

Грицаев Сергей Иванович
кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: grizaevserg@mail.ru

Деменков Владимир Александрович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: vladimir.demenkov88@gmail.com

Аннотация

В настоящей статье авторами рассматриваются цифровые (электронные) доказательства, которые являются относительно новым видом доказательств в отечественном уголовном процессе. Указываются отличительные характеристики цифровых (электронных) доказательств. Авторы обращают внимание на рост киберпреступлений в Российской Федерации в течение последних трех лет и приводят статистические данные. В работе также исследуются позиции различных представителей научного сообщества относительно необходимости закрепления на законодательном уровне определения понятия «цифровые (электронные) доказательства». На основе проведенного исследования авторами делается вывод о том, что благодаря такому виду доказательств и присущим им особенностям можно в значительной степени ускорить судебное разбирательство, что повысит объективность принимаемого судом решения.

Ключевые слова: цифровые доказательства, электронные доказательства, информация, киберпреступность, процесс доказывания, цифровые технические средства.

Digital (electronic) evidence in criminal proceedings

Gritsayev Sergey Ivanovich
Candidate of Law, assistant professor
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: grizaevserg@mail.ru

Demenkov Vladimir Aleksandrovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: vladimir.demenkov88@gmail.com

Abstract

In this article, the authors examine digital (electronic) evidence, which is a relatively new type of evidence in domestic criminal proceedings. The distinctive characteristics of digital (electronic) evidence are indicated. The authors draw attention to the growth of cybercrime in the Russian Federation over the past three years and provide statistical data. The work also examines the positions of various representatives of the scientific community regarding the need to consolidate at the legislative level the definition of the concept of “digital (electronic) evidence.” Based on the study, the authors conclude that thanks to this type of evidence and its inherent features, it is possible to significantly speed up the trial, which will increase the objectivity of the decision made by the court.

Keywords: digital evidence, electronic evidence, information, cybercrime, the process of proof, digital technical means.

Внедрение новых информационных технологий во все сферы общественной жизни требует соответствующего законодательного регулирования, однако законодатель не всегда успевает выполнять свои

функции в условиях стремительного научно-технического прогресса. Пользуясь этим, злоумышленники все чаще совершают противоправные деяния в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее по тексту — интернет), а киберпреступность как явление продолжает расти, что подтверждается официальной статистикой Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Так, в период с января по октябрь 2020 г. преступлений данного характера было официально зарегистрировано на 75,1% больше по сравнению с тем же периодом предшествующего года [1]. В 2021 г. практически каждое четвертое преступление в стране было совершено с использованием информационных технологий [2]. Киберпреступность в 2023 г. также характеризуется ростом — на 30,7% по отношению к 2022 г. [3].

Таким образом, в результате глобализации и стремительного развития технологий наблюдается заметный рост противоправных деяний, совершаемых в интернете. Очевиден также и тот факт, что с возникновением данного вида преступлений появилась необходимость в формировании и разработке групповых и частных методик их расследования, а важнейшую роль в процессе доказывания по рассматриваемой категории дел стали играть цифровые (электронные) доказательства. Несмотря на то, что подобные доказательства в настоящее время уголовным законом не выделены в отдельную категорию, вопрос о приемлемости таких доказательств стал важным критерием для обеспечения справедливого судебного процесса. Данный факт подчеркивает актуальность темы настоящего исследования.

Следует отметить, что среди представителей научного сообщества не сформировалось единого мнения относительно необходимости закрепления цифровых (электронных) доказательств в уголовном судопроизводстве в качестве самостоятельного вида.

Например, по мнению С. В. Зуева, в уголовном судопроизводстве электронная информация может быть представлена в качестве одного из традиционных видов доказательств, таких как вещественные доказательства

или др. [4].

Ученые считают, что для осуществления перехода к электронному формату ведения уголовных дел необходимо признание электронной информации как отдельного вида доказательств. Это позволит рассматривать электронные документы в качестве самостоятельного доказательства [5]. Так, С. В. Зуев отмечает то, что электронное доказательство отличается от электронного документа и вещественного доказательства по некоторым характеристикам [6].

В свою очередь, В. Ю. Стельмах указывает, что электронный (цифровой) след обладает особенностями, которые в чистом виде не свойственны ни материальным, ни идеальным следам, поскольку цифровая (электронная) информация не имеет классического для понимания материального выражения и представлена лишь в памяти компьютера или других видах носителей информации (USB флеш-накопители, HDD и SSD диски, карты памяти SD, microSD, облачные хранилища и т. п.), а деление цифровой (электронной) информации на оригинал и копию остается формальным, поскольку при копировании электронной информации ее первоисточник остается неизменным. Исключение могут составить лишь случаи использования дефектного или вредоносного программного обеспечения [7].

Рассмотрим отличительные характеристики цифровых (электронных) доказательств.

Во-первых, восприятие человеком подобных доказательств возможно лишь с помощью специальных средств, таких как компьютер, смартфон и т. п., а также при наличии специальных знаний для работы с такими устройствами.

Во-вторых, цифровое (электронное) доказательство, представленное информацией в памяти устройства, может быть изменено или удалено без возможности дальнейшего восстановления. Это предопределяет некоторые сложности в работе с такими доказательствами. Видеозапись с места

совершения преступления, записанная камерой видеонаблюдения, может быть автоматически удалена из памяти устройства ввиду того, что данная камера, делая запись в реальном времени, сохраняет новую видеозапись вместо предыдущей. Срок хранения такой видеозаписи зависит от объема памяти устройства и, как правило, в редких случаях превышает одну неделю.

Другой проблемой могут стать случаи, когда носитель информации за счет поломки становится неисправным. В данной ситуации специалист должен попытаться извлечь хранившуюся на таком носителе информацию. Однако восстановление данных с вышедшего из строя устройства редко представляется возможным, особенно в случае механического повреждения носителя данных.

В-третьих, цифровые (электронные) доказательства, в отличие от традиционных, в большинстве случаев могут копироваться неограниченное количество раз без потери качества, и каждая последующая копия будет идентична оригиналу. Также электронные доказательства могут свободно передаваться по электронным сетям без привязки к конкретному физическому носителю.

Некоторые правоведы считают, что в настоящее время в уголовно-процессуальное законодательство нет необходимости вносить изменения, связанные с закреплением таких понятий, как «электронное доказательство» и «электронный носитель». Так, по мнению П. С. Пастухова, можно ограничиться лишь уточнением понятия «доказательство» и обозначить, что фактические данные могут быть представлены в виде электронной информации, которая «вполне способна быть воспринята в одном из традиционных доказательств — вещественном доказательстве или документе» [8].

В свою очередь, А. А. Дорошева исследует понятие электронных доказательств, фокусируясь на их свойствах, и определяет их как «электронные носители информации», а также как «сведения, находящиеся на электронных носителях» и как «электронные сообщения» (если они

содержат информацию, имеющую значение для установления фактов по уголовному делу) [9].

Учитывая стремительный темп цифровизации и ее внедрение во все сферы общественной жизни, было бы уместно, на наш взгляд, рассматривать электронные доказательства как отдельный самостоятельный вид доказательств, а также создать законодательную основу, позволяющую применять цифровые технические средства в целях получения подобных доказательств. Таким образом, предлагаем внести следующие изменения в уголовно-процессуальное законодательство:

1) в ч. 6 ст. 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УПК РФ) после слова «применяться» добавить словосочетание «цифровые технические средства или…»;

2) в ч. 5 ст. 166 УПК РФ после слова «также» добавить словосочетание «цифровые технические средства или…»;

3) в ч. 2 ст. 74 УПК РФ («Доказательства») дополнить п. 5.1 «аудио-, видеопротоколы следственных и судебных действий, акт использования цифровых технических средств» и п. 5.2 «результат применения цифровых технических средств или “цифровая информация”».

Таким образом, можно констатировать то, что понятие «электронные доказательства» активно обсуждается в научных дискуссиях, а вопрос, каким смыслом его нужно наделить, остается открытым. Разнообразие точек зрения отражает сложность и многогранность изучаемого явления.

Подводя итог, стоит отметить, что с ростом технологий количество электронных следов, оставляемых преступниками, будет продолжать увеличиваться. Необходимо детальное правовое регулирование отношений, связанных с применением информационных технологий, а также обеспечение контроля над этими отношениями компетентными государственными органами [10]. Кроме того, возникает потребность в повышении квалификации специалистов, занимающихся исследованием электронных доказательств.

Список литературы:

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–октябрь 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports/item/21933965 (дата обращения: 21.04.2024).
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–октябрь 2021 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports/item/27024130/ (дата обращения: 21.04.2024).
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–октябрь 2023 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports/item/44036297/?year=2023&month=10&day=26 (дата обращения: 21.04.2024).
4. Основы теории электронных доказательств: монография / под ред. С. В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. 398 с.
5. Голованова Н. А., Гравина А. А., Зайцев О. А. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Контракт, 2019. 211 с.
6. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / под ред. С. В. Зуева. М.: Юрайт, 2020. 193 с.
7. Стельмах В. Ю. Электронная информация в доказывании по уголовным делам: способы получения и место в системе доказательств // Библиотека криминалиста. 2018. № 3 (38). С. 93–100.
8. Пастухов П. С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // Пермский конгресс ученых-юристов. Сборник научных статей. Отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. 2017. С. 558–566.
9. Дорошева А. А. Электронные «доказательства» в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Право и практика. 2019. № 4. С. 203–208.
10. Помазанов В. В., Грицаев С. И. Информационные преступления в условиях глобализации // Современные социальные процессы в контексте глобализации. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. 2021. С. 455–459.

References:

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–October 2020 // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https://MVD.RF/reports/item/21933965 (date of access: 21.04.2024).
2. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–October 2021 // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https://MVD.RF/reports/item/27024130/ (date of access: 21.04.2024).
3. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–October 2023 // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https://MVD.RF/reports/item/44036297/?year=2023&month=10&day=26 (date of access: 21.04.2024).
4. Fundamentals of the theory of electronic evidence: monograph / ed. S. V. Zueva. M.: Yurlitinform, 2019. 398 p.
5. Golovanova N. A., Gravina A. A., Zaytsev O. A. Criminal-jurisdictional activity in the context of digitalization: monograph / Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. M.: Contract, 2019. 211 p.
6. Electronic evidence in criminal proceedings: textbook / ed. S. V. Zueva. M.: Yurait, 2020. 193 p.
7. Stelmakh V. Yu. Electronic information in evidence in criminal cases: methods of obtaining and place in the system of evidence // Criminologist Library. 2018. No. 3 (38). Pp. 93–100.
8. Pastukhov P. S. On the development of criminal procedural evidence using electronic evidence // Perm Congress of Legal Scientists. Collection of scientific articles. Responsible editors V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. 2017. Pp. 558–566.
9. Dorosheva A. A. Electronic “evidence” in criminal proceedings of the Russian Federation // Law and practice. 2019. No. 4. Pp. 203–208.
10. Pomazanov V. V., Gritsaev S. I. Information crimes in the context of globalization // Modern social processes in the context of globalization. Collection of materials of the III International Scientific and Practical Conference. 2021. Pp. 455–459.

УДК/UDC 343.2.7

Актуальные проблемы правоохранительной деятельности по борьбе с преступлениями в сфере цифровых технологий

Карпинский Владислав Дмитриевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: karpinskyvladik@gmail.com

Косян Марта Сергеевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: kosyan2001@icloud.com

Пивень Алексей Васильевич
кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: natsoroka@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены основные проблемы, актуальные для правоохранительной деятельности в сфере борьбы с преступлениями в интернете; проанализирована динамика преступлений в сфере информационных технологий с 2019 по 2023 гг.; на основании данных сделан вывод об увеличении количества и форм совершения киберпреступлений. На основе анализа статистических данных и научных источников обозначены следующие практические проблемы: резкое увеличение количества киберпреступлений, сложности в квалификации и сборе доказательной базы данного вида преступлений, сложность выявления цифрового следа в связи с международным характером киберпреступности и др. В исследовании приведены основные виды киберпреступлений и отмечена важность своевременного внесения изменений в нормативные акты, позволяющих квалифицировать преступление в сфере информационных технологий наиболее объективно.

Ключевые слова: преступление, цифровые технологии, киберпреступление, защита персональных данных, онлайн-банкинг; информационные инциденты, кража, мошенничество, хищение.

Current problems of law enforcement in the fight against crimes in the field of digital technologies

Karpinskiy Vladislav Dmitriyevich
student of the faculty of law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: karpinskyvladik@gmail.com

Kosyan Marta Sergeyevna
student of the faculty of law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: kosyan2001@icloud.com

Piven Aleksey Vasilyevich
Candidate of Law, assistant professor
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: natsoroka@yandex.ru

Abstract

The article discusses the main problems relevant to law enforcement activities in the field of combating crimes on the Internet; the dynamics of crimes in the field of information technology from 2019 to 2023 was analyzed; Based on the data, it was concluded that the number and forms of cybercrime are increasing. Based on the analysis of statistical data and scientific sources, the following practical problems are identified: a sharp increase in the number of cybercrimes, difficulties in qualifying and collecting evidence for this type of crime, the difficulty of identifying a digital trace due to the international nature of cybercrime, etc. The study presents the main types of cybercrimes and notes the importance of timely amendments to regulations that make it possible to qualify a crime in the field of information technology as objectively as possible.

Keywords: crime, digital technologies, cybercrime, personal data protection, online banking; information incidents, theft, fraud, theft.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного анализа проблем деятельности правоохранительных органов, возникающих в связи с увеличением количества преступлений в сфере цифровых технологий: экономические преступления, совершенные при помощи информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее по тексту — интернет), средств компьютерной техники (преступления, касающиеся неправомерного использования персональных данных); преступления, связанные с проникновением на порталы юридических и физических лиц и использованием личных данных в преступных целях.

Данная проблема требует всестороннего научного анализа в целях выработки единых подходов в борьбе с преступлениями и дополнения законодательства для определения мер наказания лиц, совершающих правонарушения [1].

Цифровые технологии в условиях современной глобальной экономики являются основой организации экономической и финансовой деятельности юридических и физических лиц и становятся необходимым инструментом развития предпринимательской, промышленной, торговой, банковской деятельности, функционирования финансового рынка, реализации образовательных программ. Основным законом в сфере защиты информации

является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее по тексту — ФЗ № 149) [2]. Актуальность цифровых технологий качественно меняет способы современных финансовых и экономических преступлений, которые переносятся в интернет. Таким образом, требуется исследование проблем правоохранительной деятельности по борьбе с компьютерной преступностью.

В 2023 г. Министерство внутренних дел Российской Федерации зарегистрировало 677 тыс. преступлений в интернете. По сравнению с 2022 г., когда было зарегистрировано 522,1 тыс. подобных преступлений, рост составил 29,6%. А по сравнению с 2021 г., когда было зарегистрировано 518 тыс. киберпреступлений, рост составил 30,6% [3]. Данные о динамике киберпреступлений представлены на рис. 1.

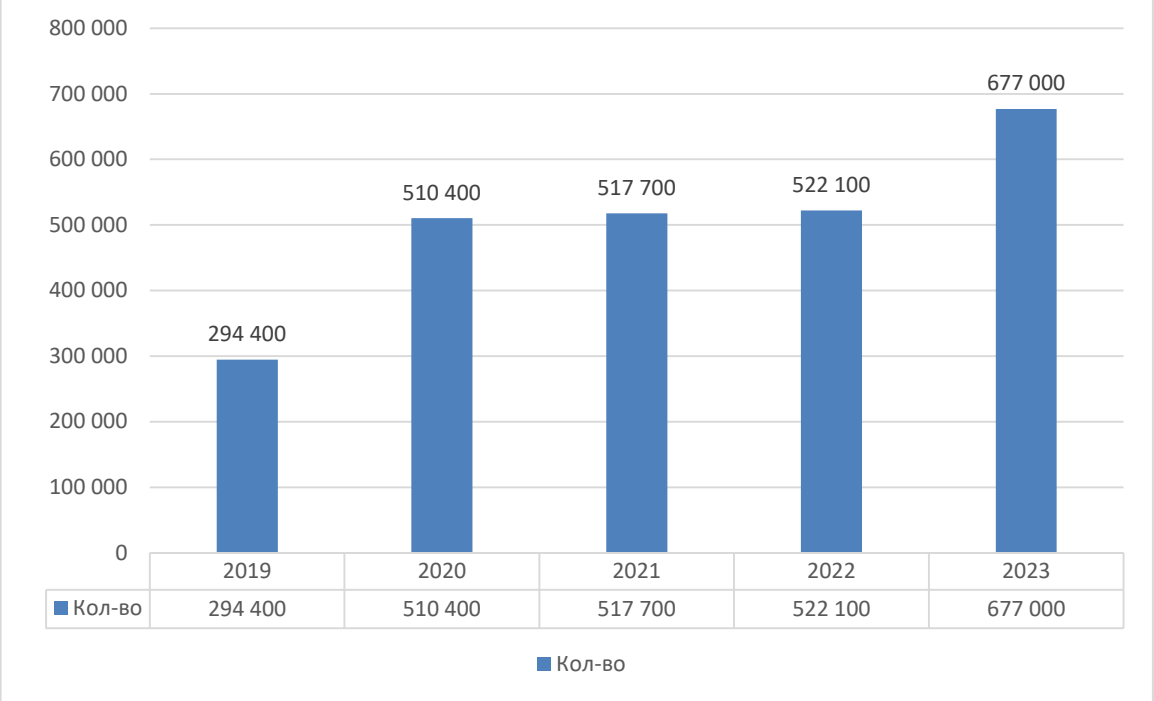

Рисунок 1 — Количество преступлений в цифровой сфере в Российской Федерации (2019–2023 гг.)

Удельный вес по правонарушениям в интернете составил в 2023 г. 34,8%, что выше на 8,3% показателей 2022 г. (26,5%). При этом более 50% киберпреступлений относится к категории тяжких и особо тяжких. С использованием интернета совершено в 2023 г. свыше 520 тыс.

преступлений, что выше показателей 2022 г. (381 тыс.) на 36,4% [3]. При этом также растет количество преступлений с использованием мобильной связи и пластиковых карт, правонарушений с использованием компьютеров, программных средств и фиктивных электронных платежей [3].

Основными причинами роста киберпреступности являются доступность выхода в интернет, недостаточный уровень защиты персональных данных со стороны пользователей, развитие онлайн-банкинга, возможность скрыть истинную личность преступника, возможность организовать информационные инциденты и экономические киберпреступления из-за рубежа.

Таким образом, выявляется несколько приоритетных проблем, которые определяют направления правоохранительной деятельности по борьбе с киберпреступностью (см. рис. 2).

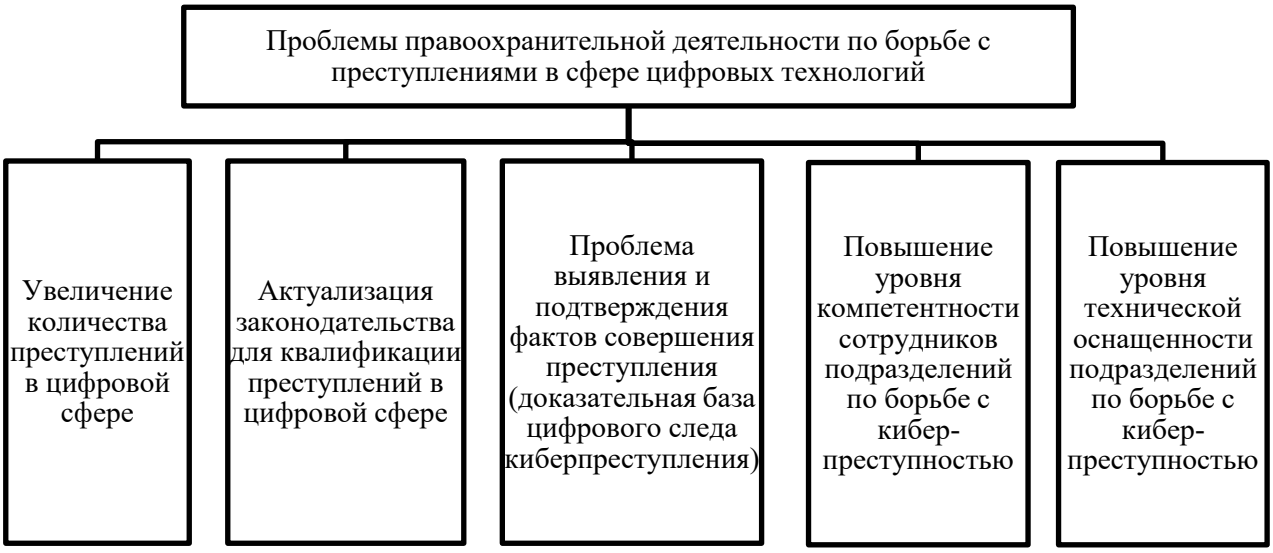

Рисунок 2 — Проблемы правоохранительной деятельности по борьбе с преступлениями в сфере цифровых технологий

Основным признаком данных преступлений является не техническое средство (компьютер, мобильный телефон или иной носитель информации), а информационные отношения, на которые посягают преступным действием:

сбор, обработка, хранение, распространение информации, которая защищена на основании закона.

Развитие киберпреступности требует своевременного внесения изменений в законодательную базу для защиты личности, общества, государства. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) содержится гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации». Однако в отношении определения киберпреступлений до сих пор не сформировано единого подхода. Так, Р. И. Дремлюга, Л. В. Иногамова-Хегай, В. Н. Щепетильников и др. считают, что необходимы уточнения в части использования терминов «электронная информация» и «цифровая информация»: требуется выделение отдельного вида преступлений, совершаемых при помощи компьютерной техники, либо учет использования компьютерных технологий как средства или квалифицирующего признака общеуголовного преступления [4].

С развитием цифровых технологий формируются новые форматы взаимодействия в интернете, которые требуют своей юридической оценки. Прежде всего речь идет о мошенничестве в сфере интернет-торговли и фишинговых сайтов. Проведение транзакций по приобретению товаров посредством онлайн-банкинга (онлайн-переводы, электронные кошельки) становится все более распространенным видом преступлений. Однако на настоящий момент данные проблемы регулируются отдельными нормативно-правовыми актами, что затрудняет борьбу с экономическим мошенничеством в интернете: УК РФ, ФЗ № 149, Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» и др.

Так, хищение финансов физических и юридических лиц может быть совершено посредством неправомерного доступа к цифровым платежным документам владельцев онлайн-сервисов, который осуществляется либо путем взлома учетной записи (через вредоносные программы-шифровальщики), либо путем перехода по фишинговой ссылке. Развитие

финансовых технологий в сфере онлайн-банкинга спровоцировало увеличение количества преступлений, связанных с махинациями со счетами банковских карт, которыми можно управлять посредством мобильных приложений. Для подобного рода финансовых операций не нужна банковская карта, и при этом не всегда пользователь использует систему многофакторной или хотя бы двухфакторной идентификации [5]. Факт хищения финансовых средств посредством неправомерного доступа к компьютерной информации может быть квалифицирован по ст. 159 УК РФ, ст. 159.6 УК РФ и (или) ст. 273 УК РФ.

При этом возникают сложности при сборе доказательств и выявлении цифрового следа преступлений, совершенных в интернете. Часто лица, совершившие преступные деяния, находятся на территории иностранных государств, что затрудняет расследование данных преступлений. Преступления в интернете имеют разнообразную форму: предоставление неправомерного доступа к персональной информации, хранящейся на информационных носителях; создание и рассылка вредоносных компьютерных программ; подделка торговых марок и распространение продукции в сети; кража финансовых средств со счетов физических и юридических лиц; кредитование и перевод финансовых средств на счета третьих лиц и др.

Дополнительной опасностью является то, что организация мошеннических преступлений позволяет использовать полный лимит овердрафта держателя счета, а также дает возможность для последующих махинаций с другими финансовыми продуктами от имени владельца счета (кредитные карты, потребительские кредиты).

При этом, по мнению аналитиков, в 2024 г. значительно увеличится количество киберпреступлений, в которых пострадают субъекты среднего и малого бизнеса. Итоги утечек данных по видам субъектов бизнеса представлены на рис. 3 [6].

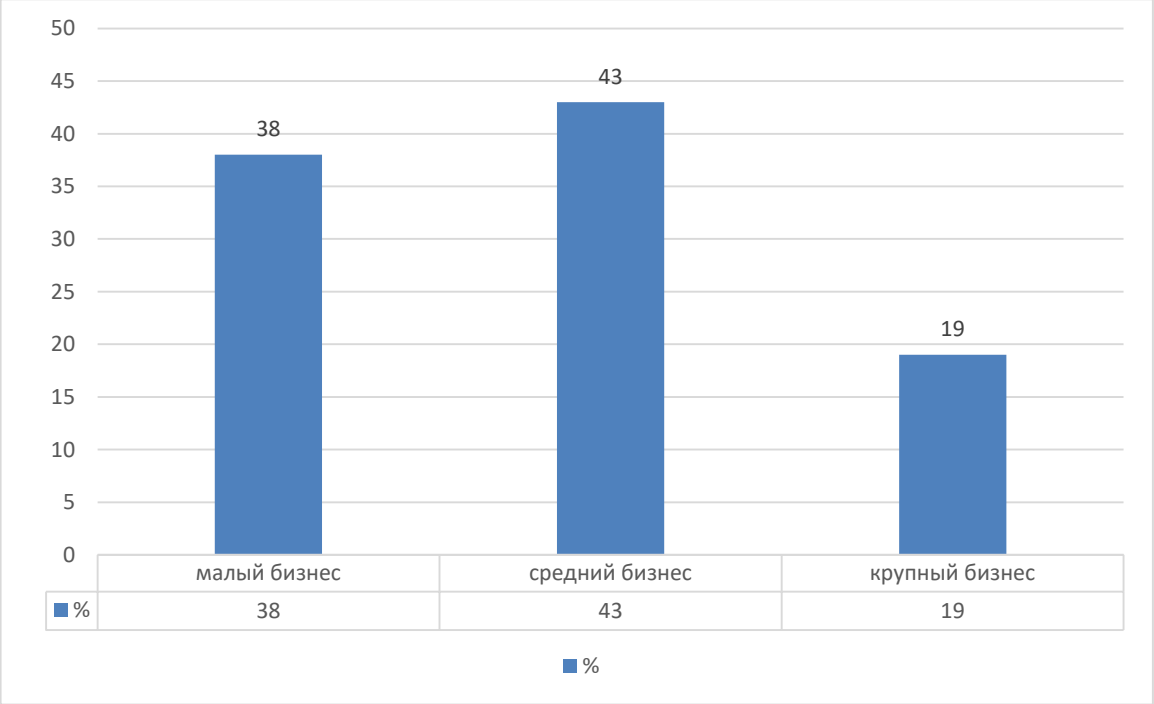

Рисунок 3 — Соотношение утечки информации по видам бизнеса (2023 г.)

Как следует из рис. 3, больше всего утечке информации подвержены субъекты среднего и малого бизнеса, что обусловлено недостаточным уровнем защиты информации. При этом основным каналом коммуникации хакеров, по мнению аналитиков, останется система мгновенного обмена сообщениями Telegram. Эксперты следующим образом классифицируют информационные инциденты (рис. 4) [6].

Рисунок 4 — Виды информационных инцидентов (2023 г.).

Эксперты выделяют среди причин повышения киберпреступности низкую защищенность информационной инфраструктуры (устаревшие версии программного обеспечения, стандартные пароли) и низкий уровень знаний о защите персональных данных и финансовой информации в интернете со стороны физических и юридических лиц. В связи с этим важное значение приобретает профилактическая работа по пресечению киберпреступности.

Таким образом, были выявлено, что в современных условиях наблюдается увеличение количества преступлений в сфере цифровых технологий, а также расширение их видов и форм, что создает сложности в определении и классификации преступлений. Приоритетным вектором преодоления данной проблемы, на наш взгляд, является прежде всего своевременное дополнение законодательных актов, в т. ч. УК РФ, статьями, в которых учтено использование цифровых технологий при совершении преступлений. Считаем, что в гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» УК РФ, в ст. 159 УК РФ, 159.6 УК РФ и (или) ст. 273 УК РФ целесообразно внести положения, в которых предусматривается ответственность за совершение преступлений, связанных с доступом к компьютерной информации, использованием ее в корыстных целях (кража, вымогательство, мошенничество).

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996.
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (последняя редакция) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 12.04.2024).
3. Число киберпреступлений в России // TADVISER. Государство. Бизнес. Технологии. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Число_киберпреступлений_в_России (дата обращения: 12.04.2024).
4. Дремлюга Р. И. Понятие «компьютерная информация»: спорные вопросы в теории и законе // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 1 (25). С. 108–115.
5. Информационная безопасность в банках // TADVISER. Государство. Бизнес. Технологии. URL:

https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Информационная_безопасность_в_банках (дата обращения: 12.04.2024).

6. Кибератаки // TADVISER. Государство. Бизнес. Технологии. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Кибератаки (дата обращения: 12.04.2024).

References:

1. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996.

2. On Information, Information Technologies and Information Protection: Federal Law dated July 27, 2006 No. 149-FZ (latest edition) // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (date of access: 12.04.2024).

3. The number of cybercrimes in Russia // TADVISER. State. Business. Technologies. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Число_киберпреступлений_в_России (date of access: 12.04.2024).

4. Dremlyuga R. I. The concept of “computer information”: controversial issues in theory and law // Library of Criminal Law and Criminology. 2018. No. 1 (25). Pp. 108–115.

5. Information security in banks // TADVISER. State. Business. Technologies. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Информационная_безопасность_в_банках (date of access: 12.04.2024).

6. Cyber-attacks // TADVISER. State. Business. Technologies. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Кибератаки (date of access: 12.04.2024).

УДК/UDC 343.535

Особенности отказа в освобождении должника от исполнения обязательств при завершении процедуры реализации имущества гражданина

Проскурин Никита Игоревич
студент юридического факультета
Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний
г. Рязань, Россия
e-mail: nikita25proskurin@mail.ru

Шиманская Светлана Викторовна
кандидат юридических прав, доцент
Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний
г. Рязань, Россия
e-mail: sv_shiman@mail.ru

Аннотация

В данной статье на основе комплексного изучения правовых документов о банкротстве и оценки правоприменительной практики по делам о банкротстве физических лиц анализируются основания для отказа в освобождении должника от исполнения обязательств при банкротстве. Раскрывается значимость и актуальность института банкротства физического лица. Приводятся статистические показатели судебной процедуры банкротства граждан. Оценивается критерий «добросовестности» поведения гражданина в течение процедуры банкротства и за период, предшествующий обращению в арбитражный суд, с указанием позиции Верховного Суда Российской Федерации. Рассматриваются основания для неприменения к должнику правил об освобождении от исполнения обязательств. Определены и исследованы критерии недобросовестности поведения одной из сторон обязательств, которые могут быть положены в основу решения. Раскрывается возможность частичного освобождения должника от принятых на себя обязательств.

Ключевые слова: банкротство физического лица, добросовестность, частичное освобождение, неосвобождение должника от обязательств.

Peculiarities of refusal to release a debtor from fulfilling obligations upon completion of the procedure for the sale of a citizen’s property

Proskurin Nikita Igorevich
student of the Faculty of Law
Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service
Ryazan, Russia
e-mail: nikita25proskurin@mail.ru

Shimanskaya Svetlana Viktorovna
Candidate of Law, assistant professor
Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service
Ryazan, Russia
e-mail: sv_shiman@mail.ru

Abstract

This article, based on a comprehensive study of legal documents on bankruptcy and an assessment of law enforcement practice in bankruptcy cases of individuals, analyzes the grounds for refusing to release a debtor from fulfilling obligations in bankruptcy. The significance and relevance of the institution of bankruptcy of an individual is revealed. Statistical indicators of the

judicial procedure for bankruptcy of citizens are given. The criterion of “conscientiousness” of a citizen’s behavior during the bankruptcy procedure and for the period preceding the application to the arbitration court is assessed, indicating the position of the Supreme Court of the Russian Federation. The grounds for non-application of the rules on exemption from fulfillment of obligations to the debtor are considered. The criteria for bad faith behavior of one of the parties to the obligations, which can be used as the basis for a decision, have been identified and studied. The possibility of partial release of the debtor from assumed obligations is revealed.

Keywords: bankruptcy of an individual, good faith, partial release, non-release of the debtor from obligations.

Как правило, лицо, обратившееся в арбитражный суд с заявлением о признании его несостоятельным, преследует одну цель — освобождение себя от действующих обязательств перед кредиторами и уполномоченным органом. Согласно нормам действующего законодательства освобождение происходит не только перед кредиторами, включенными в реестр требований кредиторов, но и перед не заявившимися требования к должнику заемщиками. Указанный механизм, по мнению граждан, дает возможность списать принятые на себя кредитные обязательства один раз в пять лет. Именно это и является главной целью процедуры банкротства физического лица.

Согласно статистике, приведенной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, количество лиц, обратившихся в арбитражные суды с целью освободить себя от исполнения обязательств, ежегодно растет. Такие сведения указывают на возрастающий интерес граждан к процедуре банкротства физического лица среди населения Российской Федерации [1].

В целях стабилизации гражданского оборота в рамках правовой конструкции освобождения гражданина от исполнения обязательств законодателем установлен ряд ограничений, направленных в первую очередь на недопущение злоупотребления механизмами банкротства даже для добросовестных граждан, имеющих определенные финансовые сложности. Такие исключения указаны в п. 5 и 6 ст. 213.38 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту — ФЗ № 127). Положения указанных норм позволяют судам не

освобождать должника от исполнения обязательств при наличии следующих обстоятельств:

1. Непредставление или заведомо ложное представление сведений арбитражному суду и финансовому управляющему. Указанный факт должен быть установлен соответствующим судебным актом, принятым в рамках рассмотрения дела о несостоятельности (банкротстве) физического лица.

2. Установление факта мошенничества, уклонения от уплаты сборов и (или) налогов физического лица, предоставления заведомо ложных сведений при принятии на себя кредитных обязательств, уничтожения имущества на стадии исполнения или возникновения обязательства, на котором конкурсный кредитор или уполномоченный орган основывал свое требование.

3. Наличие вступившего в законную силу судебного акта по привлечению должника к административной или уголовной ответственности за преднамеренное или фиктивное банкротство, неправомерные действия при банкротстве.

Наличие хотя бы одного из названных обстоятельств, установленных судом в рамках процедуры несостоятельности физического лица, дает право суду на неприменение в отношении должника правила об освобождении его от исполнения обязательств.

Помимо указанных оснований законодатель в п. 5 ст. 213.28 ФЗ № 127 предусмотрел перечень обязательств, по которым должник не может быть освобожден. К таким относятся:

1) требования по текущим платежам;

2) обязательство по выплате алиментов;

3) обязательство по выплате заработанной платы и выходного пособия;

4) обязательство по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью;

5) обязательство по возмещению морального вреда;

6) иные обязательства, неразрывно связанные с личностью кредитора.

Нормы действующего законодательства также не предусматривают освобождение должника — физического лица от исполнения обязательств по следующим аспектам:

1) возмещение вреда имуществу, который был причинен должником с умыслом или по грубой неосторожности;

2) возмещение юридическому лицу вреда, нанесенного должником умышленно или по грубой неосторожности, в связи с участием его в составе юридического лица либо коллегиального органа;

3) привлечение должника к субсидиарной ответственности в качестве контролирующего лица;

4) возмещение убытков, причиненных должником по грубой неосторожности при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей в качестве арбитражного управляющего в дела о банкротстве;

5) выполнение требований, возникших в связи с признанием сделки недействительной, и применение последствий ее недействительности.

Наличие указанных требований является основанием для подачи кредитором ходатайства в арбитражный суд в рамках дела о несостоятельности физического лица, о включении требований в реестр требований кредиторов. Такие обязательства в случае признания арбитражным судом их обоснованными будут удовлетворяться в процессе проведения процедуры банкротства. В случае неудовлетворения (не полного удовлетворения) заявленных требований по завершении процедуры банкротства арбитражным судом выдается исполнительный документ на сумму в размере непогашенных требований.

Императивным требованием действующего законодательства является утверждение названных обстоятельств арбитражным судом, которые могут быть установлены на любой стадии рассмотрения дела о банкротстве физического лица.

В п. 45 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» закреплено, что освобождение должника от обязательств не допускается в случае доказанности незаконности его действий [2].

Приведенные выше положения позволяют сделать вывод о том, что отказ в освобождении от обязательств должен быть обусловлен противоправным поведением должника, направленным на умышленное уклонение от исполнения своих обязательств перед кредиторами (сокрытие своего имущества, воспрепятствование деятельности финансового управляющего и т. д.).

Таким образом, вопросы, касающиеся таких незаконных действий гражданина, как совершение мошенничества, уклонение от погашения кредиторской задолженности, уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица, предоставление кредитору заведомо ложных сведений при получении кредита, сокрытие или умышленное уничтожение имущества, разрешаются судом при вынесении определения о завершении реализации имущества должника или при пересмотре этого определения по вновь открывшимся обстоятельствам. Доказывать то, что гражданин действовал незаконно, должны лица, участвующие в деле (кредитор, финансовый управляющий, уполномоченный орган).

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», оценка действий должника должна происходить исходя из анализа поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в т. ч. в получении необходимой информации [3].

При распределении бремени при установлении обстоятельств, препятствующих освобождению должника от исполнения обязательств, суд должен исходить из презумпции добросовестности и добропорядочности гражданина до тех пор, пока не установлено обратное (п. 5 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ)). Указанная презумпция возлагает обязанность по доказыванию недобросовестности должника на участвующих в деле лиц.

В п. 28 Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 г. № 51 (ред. от 25 декабря 2018 г.) «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей» разъяснено, что в случаях, когда при рассмотрении дела о банкротстве будут установлены признаки преднамеренного или фиктивного банкротства либо иные обстоятельства, свидетельствующие о злоупотреблении должником своими правами и ином заведомо недобросовестном поведении в ущерб кредиторам, суд вправе в определении о завершении конкурсного производства указать на неприменение в отношении данного должника правила об освобождении от исполнения обязательств (ст. 10 ГК РФ) [4].

Следует отметить, что в настоящее время достаточно разнообразно формируется судебная практика по вопросу применения либо неприменения правил об освобождении банкрота-гражданина от исполнения долговых обязательств. Очень важное место здесь занимает презумпция добросовестности, которая выступает определенным рычагом при распределении бремени доказывания факта наличия либо отсутствия обстоятельств, препятствующих освобождению должника от исполнения требований кредиторов.

Рассмотрим следующий пример из судебной практики. Решением арбитражного суда Республики Татарстан от 19 сентября 2017 г. по делу № А65-5799/2017 должник не был освобожден от исполнения обязательств. Арбитражный суд Поволжской области, проверив обоснованность вынесения указанного решения, оставил решение нижестоящих инстанций без

изменений, указав, что судами верно установлены фактические обстоятельства дела. Должник наращивал сумму задолженности перед кредиторами и не исполнял обязанности, принятые на себя ранее. В данном случае нет доказательств того, что финансовое положение должника неожиданно ухудшилось настолько, что он не мог предвидеть это заранее и не устранить своевременно возникшие проблемы. На момент получения денежных средств должник уже не в состоянии был оплачивать предыдущую задолженность, что свидетельствуют о том, что должник принял на себя заведомо неисполнимое обязательство и наращивал задолженность без осуществления выплат по предыдущему долгу. Указанные факты являются достаточными для неприменения в отношении должника правил об освобождении от обязательств [5]. Указанным постановлением суд пояснил, что последовательное наращивание должником кредиторской задолженности является основанием для неосвобождения должника от исполнения обязательств.

Однако Верховный Суд Российской Федерации в своих решениях задал иной вектор в разрешении заявленных споров. В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2020 г. № 310-ЭС20-6956 по делу № А23-734/2018 суд указал, что последовательное наращивание гражданином кредиторской задолженности путем получения денежных средств в различных кредитных организациях не может быть квалифицировано арбитражными судами как недобросовестное поведение должника, если отсутствуют доказательства сокрытия (либо представления заведомо недостоверной) информации о месте работы, размере совокупного дохода и кредитных обязательствах в иных кредитных организациях [6].

Представляется, что одной из основных сложностей применения положений п. 4 ст. 213.28 ФЗ № 127 является абстрактный характер правовых категорий добросовестности и злоупотребления. При этом неразумность должника не всегда приравнивается к недобросовестности и не может

служить основанием сохранить долг и обязательства.

На наш взгляд, законодательный механизм, позволяющий судам не применять к должнику правила об освобождении от обязательств недостаточно разработан. Указанные в п. 4 ст. 213.28 ФЗ № 127 положения суды могут трактовать по своему усмотрению, при этом формируя довольно противоречивую судебную практику.

В частности, абзацем 3 ч. 4 ст. 213.28 ФЗ № 127 установлено, что освобождение гражданина от обязательств не допускается в случае, если доказано, что при возникновении или исполнении обязательства, на котором конкурсный кредитор или уполномоченный орган основывал свое требование в деле о банкротстве, гражданин действовал незаконно, в т. ч. совершил мошенничество, злостно уклонился от погашения кредиторской задолженности, уклонился от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица, предоставил кредитору заведомо ложные сведения при получении кредита, скрыл или умышленно уничтожил имущество.

Возлагая на должника повышенные требования в части добросовестности, суды часто нивелирует данные положения, предъявляя повышенные требования к банковским организациям.

Таким примером может являться Постановление двадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А68-2405/2021 от 25 января 2023 г. [7]. По определению Арбитражного суда Тульской области от 28 ноября 2022 г. должник освобожден от исполнения обязательств. Не согласившись с указанным решением, конкурсный кредитор подал жалобу, указав на предоставление должником недостоверной информации о размере заработной платы и имеющихся на момент заключения кредитного договора обязательств.

Проверив обоснованность апелляционной жалобы, суд установил, что банк, предоставляя должнику заемные денежные средства и заключая с ним кредитный договор, обязан самостоятельно проверить представленные должником документы. Дальнейшая ссылка кредитором на указанные

обстоятельства не может быть принята во внимание для целей применения положений п. 4 ст. 213.28 ФЗ № 127.

Кроме того, в вопросах оформления и получения кредитов необходимо учитывать, что банки, являясь профессиональными участниками кредитного рынка, имеют широкие возможности для оценки кредитоспособности гражданина, а также для проверки предоставленного им необходимого для получения кредита пакета документов. Одновременно банки вправе запрашивать информацию о кредитной истории обратившегося к ним лица в соответствующих бюро. По результатам проверок в каждом конкретном случае кредитная организация принимает решение по вопросу о выдаче денежных средств.

Помимо изложенного, кредитная организация при решении вопроса о предоставлении конкретному физическому лицу денежных средств оценивает его личные характеристики, в т. ч. кредитоспособность, финансовое положение, возможность предоставления обеспечения по кредиту и т. д.

При этом кредитная организация использует не только нормы федерального законодательства, нормативные акты Центрального Банка Российской Федерации, но и внутрибанковские правила кредитной политики и оценки потенциальных заемщиков, информацию, полученную из кредитной истории. Таким образом, кредитная организация, оценивая свои риски, вправе отказать в предоставлении кредита потенциальному заемщику.

Являясь профессиональным участником рынка кредитования, банк должен разумно оценивать свои риски при предоставлении денежных средств. Следовательно, банк не был лишен возможности проверить информацию, представленную заявителем.

Позиция, высказанная судом в рамках заявленного дела, является неоднозначной. Повышенные требования в части проверки кредитными организациями платежеспособности должника дают возможность снизить критерий добросовестности должника при заключении кредитных договоров,

тем самым ответственность за предоставленные должником недостоверные сведения перекладывается на кредитные организации.

Вышеуказанные примеры явно демонстрируют необходимость учета судами не всяких недобросовестных или неразумных действий должника, а тех, который прямо или косвенно вытекают из перечисленных в п. 4 ст. 213.28 ФЗ № 127 обстоятельств.

Возникает также вопрос о том, является ли изложенный в данной норме перечень оснований для отказа в освобождении должника от обязательств исчерпывающим. Анализ судебной практики демонстрирует отсутствие единообразия по данному вопросу.

Важнейшим в рамках процедуры банкротства физического лица является вопрос о возможном частичном применении в отношении него правил об освобождении от обязательств.

«Частичное освобождение» — это неофициальный термин, который используется действующими правоприменителями при решении вопроса о неосвобождении должника от исполнения принятых им на себя обязательств. Т. е. освобождение должника от исполнения обязательств происходит не перед всеми кредиторами, а только перед теми, в отношении которых судом установлено добросовестное поведение должника при принятии и исполнении действующих обязательств.

Действующее законодательство не содержит нормы, уполномочивающие суды на возможное применение правил о частичном освобождении, однако и не предусматривает запрет на указанные действия.

Таким образом, действующая судебная практика складывается исходя из двух диаметральных позиций. Первая сторона полагает возможным применение правил частичного освобождения, активно применяет ее при рассмотрении дел о несостоятельности физических лиц.

Так, «Аналитическая справка о судебной практике рассмотрения вопросов завершения процедуры банкротства должника – гражданина и освобождения (не освобождения) от исполнения обязательств по делам о

несостоятельности (банкротстве) граждан и индивидуальных предпринимателей за второе полугодие 2021 года – 2022 год», одобренная Постановлением Президиума Арбитражного суда Волгоградской области от 10 мая 2023 г., содержит информацию о том, что установление фактов, указанных в пп. 3,4 ст. 213.28 ФЗ № 127 в отношении конкретного конкурсного кредитора или уполномоченного органа в ходе рассмотрения дела, исключает освобождение должника от исполнения требований кредитора по завершении процедуры реализации имущества должника в указанной части и в то же время не является основанием, препятствующим освобождению от исполнения остальных имеющихся долговых обязательств при отсутствии признаков недобросовестности [8].

Иная практика наблюдается в арбитражных судах Западно-Сибирского и Северо-Западного округов. Важнейшим фактором, влияющим на вынесение судебного решения, не предусматривающего частичного освобождения должника от обязательств, является установление факта незаконных действий должника при исполнении конкретного обязательства, которое препятствовало исполнению принятых на себя кредитных обязательств перед другими кредиторами.

Анализ указанных подходов к вопросу о возможности частичного освобождения гражданина-банкрота от исполнения долговых обязательств позволяет сделать следующий вывод: помимо установления необходимых обстоятельств для допустимости либо недопустимости частичного освобождения от исполнения требований кредиторов, существенное значение имеет также дискреция правоприменителя, т. е. принятие им решений на основе собственного авторитета и суждения.

Однако решение, вынесенное судом в рамках рассмотрения дела о банкротстве, должно содействовать достижению цели процедуры банкротства, а также соответствовать принципу соблюдения баланса интересов как должника, так и конкурсных кредиторов и уполномоченного органа.

Подводя итог, следует отметить, что отказ в освобождении гражданина-должника от исполнения обязательств по завершении процедуры его банкротства представляет собой эффективную меру правового воздействия на недобросовестного должника при злоупотреблении правом, а также служит стимулирующим фактором для профессиональных участников рынка (кредитные организации, банки) при решении вопроса о предоставлении займов и кредитов физическим лицам, а также осуществлении добросовестной проверки представленной заемщиками информации. В ином случае кредитные организации утрачивают возможность ссылаться на недобросовестность должника и требовать отказ в освобождении его от исполнения взятых обязательств.

Таким образом, существующие правовые нормы по применению к должнику правил об освобождении от исполнения обязательств выступают определенной гарантией только среди добросовестных граждан, для которых признание себя несостоятельным должником (банкротом) является крайней мерой, а не способом освобождения от долгов. Законодательно закрепленные положения о возможности отказа в освобождении должника от последующих обязательств при завершении процедуры реализации имущества направлены на установление баланса между кредиторами и должниками. Однако в большинстве случаев возможность применения правил об освобождении гражданина-банкрота от долговых обязательств либо неприменения зависит от оценки судом конкретных обстоятельств и дискреции правоприменителя.

Судейское усмотрение также играет немаловажную роль при формировании практики по вопросу частичного освобождения банкрота от исполнения долговых обязательств, т. к. ст. 213.28 ФЗ № 127 не содержит прямого указания на такую возможность, но и не исключает ситуаций, в которых установлен факт злоупотребления должником (при всей своей добросовестности, честности и разумности) правом только по отношению к конкретному кредитору.

Подводя итоги, следует отметить, что законодательство в части

неосвобождения должника от исполнения обязательств является неразработанным. Отсутствие строгой регламентации и четких положений позволяет судам, основываясь на личном убеждении, выносить судебные решения, схожие по сути спора, но диаметрально противоположные по своему содержанию. По нашему мнению, оптимальный вариант разрешения данного противоречия возможен путем установления определенного компромиссного правила, которое заключалось бы как в признании содержащегося в п. 4 ст. 213.28 ФЗ № 127 перечня обстоятельств неисчерпывающим, так и в установлении данным правилом общих критерий и принципов, дающих возможность определять ситуации, при которых такая санкция могла бы или, наоборот, не могла бы быть применена к должнику.

Вопрос о «частичном» освобождении должника от исполнения обязательств, по нашему мнению, является также необходимым в части законодательной регламентации. Считаем, что в положения ст. 213.28 ФЗ № 127 необходимо внести изменения, предусматривающие возможность частичного освобождения должника от исполнения обязательств.

Список литературы:

1. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 1 полугодие 2023 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7899 (дата обращения: 30.03.2024)
2. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187354/ (дата обращения: 30.03.2024).
3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 30.03.2024).
4. О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей: Постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 51 // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117841/ (дата обращения: 30.03.2024).
5. Постановление от 07.12.2017 по делу № А65-5799/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/JPN9B8mFwNoa/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=%D0%9065-5799%2F2017&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_=1713210521816&snippet_pos=40#snippet (дата обращения: 30.03.2024).
6. Определение Верховного суда Российской Федерации от 03.09.2020 № 310-ЭС20-6956 // СПС «Консультант Плюс». URL:

https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=635012#4ZRo2AUzBAXDqNO5 (дата обращения: 30.03.2024).

7. Постановление от 31.01.2023 по делу № А68-2405/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/71Qdv0cj2TdY/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=%D0%9068-2405%2F2021&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_=1713210394793&snippet_pos=28#snippet (дата обращения: 30.03.2024).

8. Аналитическая справка о судебной практике рассмотрения вопросов завершения процедуры банкротства должника – гражданина и освобождения (не освобождения) от исполнения обязательств по делам о несостоятельности (банкротстве) граждан и индивидуальных предпринимателей за второе полугодие 2021 г. – 2022 г. // Арбитражный суд Волгоградской области. URL: https://volgograd.arbitr.ru/node/20502 (дата обращения: 30.03.2024).

References:

1. Summary statistical information on the activities of federal arbitration courts for the 1st half of 2023 // Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7899 (date of access: 30.03.2024)

2. On some issues related to the implementation of procedures applied in cases of insolvency (bankruptcy) of citizens: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 13, 2015 No. 45 // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187354/ (date of access: 30.03.2024).

3. On the application by courts of certain provisions of Section I, Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 23, 2015 No. 25 // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (date of access: 30.03.2024).

4. On the consideration of cases of bankruptcy of individual entrepreneurs: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated June 30, 2011 No. 51 // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117841/ (date of access: 30.03.2024).

5. Resolution of December 7, 2017 in case No. A65-5799/2017 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/JPN9B8mFwNoa/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=%D0%9065-5799%2F2017&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral- court=&arbitral-judge=&_=1713210521816&snippet_pos=40#snippet (date of access: 30.03.2024).

6. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 3, 2020 No. 310-ES20-6956 // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=635012#4ZRo2AUzBAXDqNO5 (date of access: 30.03.2024).

7. Resolution of January 31, 2023 in case No. A68-2405/2021 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/71Qdv0cj2TdY/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=%D0%9068-2405%2F2021&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral- court=&arbitral-judge=&_=1713210394793&snippet_pos=28#snippet (date of access: 30.03.2024).

8. Analytical report on the judicial practice of considering issues of completing the bankruptcy procedure of a debtor-citizen and exemption (not exemption) from the fulfillment of obligations in cases of insolvency (bankruptcy) of citizens and individual entrepreneurs for the second half of 2021 – 2022 // Arbitration Court of the Volgograd Region. URL: https://volgograd.arbitr.ru/node/20502 (date of access: 30.03.2024).

УДК/UDC 34.096

Экономическое правосудие в советской и постсоветской России

Рассказов Вячеслав Леонидович
доктор юридических наук, доцент
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: SLAVARAS22@mail.ru

Резниченко Анастасия Романовна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: reznichenkoar23@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается вопрос развития арбитражной системы в России начиная с 1920-х гг. Анализируются влияние политических и экономических реформ на систему правосудия в период советской власти и изменения, произошедшие в данной области после распада СССР. Отмечается путь становления экономического правосудия: от Арбитражных комиссий до создания Высшего арбитражного суда Российской Федерации. Особое внимание уделяется изучению института экономического правосудия в период существования Советского государства. В статье рассмотрены Постановления и другие акты Советского Правительства, а также законодательные документы, принимавшееся с 2000-х гг. Делается вывод о том, что в результате этих изменений арбитражная система стала более эффективной и адаптированной к современным экономическим условиям.

Ключевые слова: экономическое правосудие, Советское государство, Арбитражные суды, Госарбитраж, Арбитражная комиссия, споры, Положение, Совет Министров, реформа.

Economic justice in Soviet and post-Soviet Russia

Rasskazov Vyacheslav Leonidovich
Doctor of Law, assistant professor
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: SLAVARAS22@mail.ru

Reznichenko Anastasiya Romanovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: reznichenkoar23@gmail.com

Abstract

The article examines the issue of the development of the arbitration system in Russia, starting from the 1920s. The influence of political and economic reforms on the justice system during the period of Soviet power and the changes that occurred in this area after the collapse of the USSR are analyzed. The path of development of economic justice is noted: from Arbitration Commissions to the creation of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. Particular attention is paid to the study of the institution of economic justice during the existence of the Soviet state. The article examines resolutions and other acts of the Soviet Government, as well as legislative documents adopted since the 2000s. It is concluded that as a result of these

changes, the arbitration system has become more efficient and adapted to modern economic conditions.
Keywords: economic justice, the Soviet state, Arbitration courts, State Arbitration, Arbitration Commission, disputes, Regulation, Council of Ministers, arbitrator, reform.

Экономическое правосудие — вид государственной деятельности, направленный на рассмотрение и разрешение судами экономических споров и осуществляемый арбитражными судами. В российском государстве институт экономического правосудия появился еще во времена Древней Руси. Первые упоминания о судах, решающих споры в сфере экономики, относятся к периоду правления князя Всеволода Мстиславовича. С тех пор данный институт претерпевал множество изменений. Особый интерес вызывают те, которые произошли в советский и постсоветский периоды [1]. Октябрьская революция привела к разрушению существующей системы Российской Империи и к созданию новой, советской, которая включала и судебные органы.

В связи с приходом к власти большевиков в 1917 г. возросла роль государства в экономике, была отменена частная собственность и начался переход к социалистическому типу хозяйствования [2]. В условиях тотального огосударствления экономики необходимость в государственном экономическом правосудии отпала. Большевики выпустили ряд декретов, одним из которых упразднили судебные органы Российской Империи, за исключением мировых судов.

В новой судебной системе не предусматривалось наличие судов, решающих экономические споры. Проведение Новой экономической политики (НЭП) привело к разногласиям из-за деятельности национализированных предприятий. Советское государство пыталось решить проблему за счет создания административного органа-арбитража, обладающего судебными полномочиями. В качестве формы арбитража вводились арбитражные комиссии, которые рассматривали имущественные споры, а также споры, возникающие на основании договора между государственными учреждениями и предприятиями. Была создана

определенная иерархия комиссий, во главе которой стояла Высшая Арбитражная комиссия и решения которой принимались большинством голосов ее членов. Комиссия рассматривала дела на основании законов и распоряжений органов власти. Стоит отметить, что решения Арбитражных комиссий приравнивались к судебным решениям. Строгих требований к членам арбитражных комиссий не было, а их решения могли быть отменены административным органом. Деятельность данного института вызвала вопросы, и постепенно выстроенная система начала распадаться. В 1930-х гг. руководство СССР отказалось от НЭП. Институт арбитражных комиссий также был ликвидирован.

После упразднения арбитражных комиссий была реорганизована кредитная система: коммерческое кредитование было заменено банковским. В соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров (далее по тексту — СНК) создавался Государственный арбитраж (далее по тексту — Госарбитраж) для разрешения споров по договорам, а также других имущественных споров между предприятиями и учреждениями. Госарбитраж во многом был схож с институтом арбитражных комиссий и учреждался при Совете труда и обороны (далее по тексту — СТО), экономических советах союзных республик, при СНК автономных республик. Также существовала возможность создания межрайоных органов Госарбитража в Украинской Советской Социалистической Республике. Решения Госарбитража были окончательными и не подлежали обжалованию. Функционировал Госарбитраж в составе главного арбитра и его заместителей, которые назначались персонально СТО, ЭС и исполкомами. Дела рассматривались арбитром, который назначался главным арбитром для решения конкретного дела. Также главный арбитр получал право голоса на заседаниях СНК, СТО и комиссий исполнения при СНК СССР.

В целях укрепления плановой экономики Госарбитраж наделялся административно-контрольной функцией, согласно которой он должен был сообщать обо всех серьезных нарушениях в вышестоящие органы. Основные

правила рассмотрения дел в органах Госарбитража издавались на союзном уровне и были схожи с правилами для арбитражных комиссий 1920-х гг. Данный документ регулировал все стадии арбитражного процесса. Было также принято положение о ведомственном арбитраже, который решал споры между учреждениями и организациями, входящими в систему одного ведомства. Он мог создаваться в краевых и областных отраслевых отделах по решению исполкома. Таким образом, все принятые в 1930-х гг. акты были правовой основой арбитражного судопроизводства и действовали до конца 1950-х гг.

После смерти Сталина начинается «оттепель», когда происходят изменения в правовой системе, в т. ч. арбитражной. В данный период Госарбитраж оставался хозяйственно-процессуальным органом и не относился к судебным органам. В августе 1960 г. выходит Постановление Совмина СССР от 17 августа 1960 г. № 892 «Положения о Государственном арбитраже при Совете Министров СССР». Новое Положение отличалось более совершенной юридической техникой изложения правовых норм. Нововведениями стали: необходимость проверки Госарбитражем принятия истцом мер для урегулирования спора с ответчиком при подаче иска; отмена обязанности арбитра принимать меры по достижению соглашения между сторонами; обязывание руководителей организаций и предприятий сообщать о принятых мерах по устранению проблем, которые определялись арбитражным решением. Возглавлялся Госарбитраж Главным арбитром, назначаемым Советом Министров. В рассматриваемый период появились и новые правила рассмотрения хозяйственных споров Госарбитражем, которые более детально регулировали порядок разрешения арбитражных дел. Так, например, появляется необходимость в урегулировании разногласий между сторонами до начала арбитражного производства.

С началом «косыгинской» реформы повышается роль предприятий в экономике, в связи с чем возрастает роль арбитража. Арбитраж должен был заниматься изучением и обобщением арбитражной практики. С 1974 г.

Госарбитраж становится союзно-республиканским органом и принимается новое Положение Совета Министров СССР, согласно которому меняется иерархия арбитражей и образовывается система соподчиненных арбитражей с несколькими звеньями:

1) край, область, АССР;

2) союзная республика;

3) союз ССР.

Арбитражи также объявляются независимыми от органов исполнительной власти и становятся на шаг ближе к статусу судебного органа [3].

Очередным важным этапом в развитии арбитражного судопроизводства становится принятие Конституции СССР 1977 г., согласно которой арбитражное производство находилось в одном разделе с судом и было отделено от исполнительной власти. Теперь органы Госарбитража стали разрешать дела как между предприятиями и учреждениями, так и между органами управления. Госарбитраж все больше наделялся судебными функциями.

Однако более подробно деятельность органов Госарбитража определялась в Законе СССР от 30 ноября 1979 г. № 1163-X «О Государственном арбитраже в СССР» (далее по тексту — Закон № 1163-X). Основной задачей становилось обеспечение защиты прав и охраняемых интересов учреждений, организаций. В данном законе была определена система арбитражей: Госарбитраж СССР; Госарбитражи союзных республик, автономных республик, краев, областей. Создавались Госарбитражи городов, автономной области и автономного округа. Госарбитраж руководил всеми органами государственного арбитража через арбитражи союзных республик. Данный орган действовал под руководством Верховного Совета и его Президиума, Высшего Совета союзных и автономных республик и их Президиумов. Согласно закону, его возглавлял Главный государственный арбитр, который назначался Верховным Советом на 5 лет.

В период «перестройки» были приняты Положение о Госарбитраже СССР и Правила рассмотрения хозяйственных споров, которые во многом повторяли Закон № № 1163-X. Из нововведений можно отметить создание Научно-консультативного совета, в состав которого входили видные специалисты и ученые. Однако после партконференции 1988 г. экономическая сфера начинает активно развиваться, что приводит к созданию независимого Высшего арбитражного суда (далее по тексту — ВАС), согласно поправкам Конституции, введенных Законом СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР».

Таким образом, каждый исторический период в советском государстве сопровождался изменениями института экономического правосудия, который совершил трансформацию от Арбитражных комиссий до ВАС с учетом долгого существования системы Госарбитража.

Смена курса экономической политики и переход от плановой экономики к рынку привели к увеличению субъектов хозяйственной деятельности. В данных условиях был необходим орган, отвечающий за рассмотрение экономических споров. Этим обусловлено появление Закона РСФСР от 4 июля 1991 № 1543-1 «Об арбитражном суде» (далее по тексту — Закон № 1543-1), согласно которому арбитражный суд становился независимым органом, относящимся к судебной власти. Существенным нововведением стал пункт, определяющий, что стороной дела могло быть физическое лицо. Была разработана система арбитражных судов: ВАС; Высший Арбитражный суд республик; краевые арбитражные суды; городские суды; суды автономных округов. Верховный Совет избирал председателя Высшего Арбитражного суда и утверждался Съездом народных депутатов, срок полномочий не был ограничен [4].

24 октября 1991 г. было принято решение о проведении Судебной реформы, в рамках которой в 1922 г. были внесены поправки в Закон № 1543-1. В соответствии с ним увеличивалось число субъектов экономических

отношений и был расширен список принципов работы арбитражных судов: коллегиальность, независимость, законность и равенство сторон.

Далее был принят Федеральный закон от 14 апреля 1993 г. № 4791-1 «О статусе судей в Российской Федерации», действующий на сегодняшний день. Данный закон учреждал квалификационную коллегию судей в качестве органа судейского сообщества. Закреплялось, что все судьи обладают единым статусом в Российской Федерации. Вводились такие принципы статуса судей, как независимость, законность, а также указывались основные требования на должность судьи. Еще одним не менее важным нормативно-правовым актом, принятым в рамках реформы, был первый Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. (далее по тексту — АПК РФ), который заключил в себя опыт за всю историю развития арбитражных судов и стал основным нормативно-правовым актом, к которому обращаются при разрешении экономических споров, в т. ч. споров с органами государственного управления. Однако он не был совершенен в связи с отсутствием, например, нормы о состязательности процесса в арбитражных судах.

Важным этапом в становлении России после распада СССР становится принятие Конституции Российской Федерации в 1993 г. Особое значения Конституция имела и для арбитражных судов, т. к. в ней закреплялось, что функцией арбитражного суда является осуществление правосудия. Кроме того, арбитражный суд наделялся правом законодательной инициативы. Судьи ВАС назначались Советом Федерации. Однако стоит отметить, что в Конституции Российской Федерации не выделялось арбитражное судопроизводство, хотя оно существовало уже достаточно давно.

В данный период систему арбитражных судов составляли: ВАС Российской Федерации, Федеральные арбитражные суды округов и арбитражные суды субъектов Российской Федерации. Был изменен порядок пересмотра решений арбитражных судов, который теперь состоял из апелляционной и кассационной инстанции, надзорного производства. В 1995

г. был обновлен АПК РФ, в связи с чем определялось, что арбитражный суд разрешал экономические споры, возникающие из гражданских правоотношений, а также споры с административной составляющей, связанные с экономической деятельностью. Новым являлась отмена обязательного претензионного порядка, который существовал в годы Госарбитража, и закрепление института мирового соглашения. Согласно АПК РФ было проведено рассмотрение дела с участием арбитражных заседателей [5].

Начало 2000-х гг. ознаменовалось новым этапом в развитии арбитражного законодательства. В частности, это касается трех Федеральных целевых программ (2001, 2006 и 2012 гг.) (далее по тексту — ФЦП), которые были направлены на выявление основных проблем арбитражного судопроизводства и на поиск путей их решения. Однако ФЦП получили неоднозначную оценку среди правоведов в связи с тем, что они издавались Правительством Российской Федерации, являющимся органом исполнительной власти, что нарушало принцип разделения властей.

Еще одним не менее значимым событием стало принятие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ, который действует и по сей день. В него, на основе базы предшествующих двух АПК РФ, были включены нововведения. Так, были уточнены задачи судопроизводства: обеспечение доступности правосудия в сфере экономической деятельности; справедливое публичное разбирательство; содействие развитию партнерских деловых отношений. Впервые были перечислены формы защиты гражданских прав и прописан принцип гласности в арбитражном судопроизводстве.

Неоднозначной стала реформа 2014 г., в соответствии с которой ВАС РФ упразднялся, а его полномочия передавались Верховному суду Российской Федерации (далее по тексту — ВС РФ), при котором была создана коллегия по экономическим спорам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что институт

экономического правосудия в России имеет долгую историю. Приход к власти большевиков привел к значительным изменениям, в т. ч. и в судебной системе. В советский и постсоветский периоды арбитражные суды как подчинялись органам исполнительной власти, так и являлись самостоятельными и независимыми. Деятельность арбитражных комиссий, созданных в период НЭПа, не удовлетворяла руководителей государства, что привело к их ликвидации и созданию нового органа — Госарбитража. В дальнейшем каждая смена власти в СССР приводила к реформам в судебной системе. Постепенно Госарбитраж становился не только административно-контрольным органом, но и наделялся судебными функциями. Окончательно данный орган начал действовать как судебный с 1988 г.

Уже в постсоветский период появляется ряд важных правовых актов, оказавших огромное влияние на развитие института экономического правосудия. Конституция Российской Федерации 1993 г. закрепила значение арбитражного суда как органа, осуществляющего правосудие. На данный момент историю становления арбитражного судопроизводства можно завершить событием 2014 г.: упразднением ВАС РФ и передачей всех его полномочий ВС РФ. Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что институт экономического правосудия все еще продолжает развиваться и находится в стадии становления, в связи с чем нельзя исключать возможность проведения реформ в данной области в ближайшее время.

Список литературы:

1. Рассказов В. Л. Создание коммерческих судов и их правовое положение в первой трети XIX в. // Общество и право. 2020. № 1(71). С. 127–131.
2. Рассказов В. Л. Организационно-правовые меры по учреждению на Кубани областной сыскной полиции в 1909–1911 годах // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 3 (53). С. 105–109.
3. Рассказов В. Л. Экономическое правосудие в советской и постсоветской России: монография / Отв. ред. Е. Е. Тонкова. Краснодар: КубГАУ, 2022. 151 с.
4. Об арбитражном суде: Закон РСФСР от 04.07.1991 № 1543-1 (ред. от 24.06.1992, с изм. от 07.07.1993) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103/ (дата обращения: 10.04.2024).
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 05.05.1995 № 70-ФЗ (ред. от 24.07.2002) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6596/ (дата обращения: 10.04.2024).

6. Андреева Е. С. Становление и развитие арбитражных судов в России в период с 1922 г. по 1993 г. (историко-правовой аспект): дисс. … канд. юрид. наук. М., 2002. 197 с.

7. Бойков О. В. Арбитражный процессуальный кодекс 2002 года: повышение эффективности судебной защиты // Российская юстиция. 2002. № 10. С. 2–16.

8. Яковлев В. Ф. Избранные труды. Т. 3: Арбитражные суды: становление и развитие. М.: Статут, 2013. 749 с.

9. Сергунин, К. Н. Нормативно-правовые аспекты становления и развития системы арбитражных судов в Российской Федерации // Молодой ученый. 2018. № 18 (204). С. 269–270.

References:

1. Rasskazov V. L. Creation of commercial courts and their legal status in the first third of the 19th century. // Society and law. 2020. No. 1(71). Pp. 127–131.

2. Rasskazov V. L. Organizational and legal measures for the establishment of the regional detective police in Kuban in 1909–1911 // Yurist-Pravoved. 2015. No. 3 (53). Pp. 105–109.

3. Rasskazov V. L. Economic justice in Soviet and post-Soviet Russia: monograph / Responsible. ed. E. E. Tonkova. Krasnodar: KubGAU, 2022. 151 p.

4. On the arbitration court: Law of the RSFSR dated 07/04/1991 No. 1543-1 (as amended on 06/24/1992, as amended on 07/07/1993) // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103/ (date of access: 10.04.2024).

5. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated 05/05/1995 No. 70-FZ (as amended on 07/24/2002) // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6596/ (date of access: 10.04.2024).

6. Andreeva E. S. Formation and development of arbitration courts in Russia in the period from 1922 to 1993 (historical and legal aspect): diss. ...cand. legal Sci. M., 2002. 197 p.

7. Boykov O. V. Arbitration Procedural Code of 2002: increasing the effectiveness of judicial protection // Russian Justice. 2002. No. 10. Pp. 2–16.

8. Yakovlev V. F. Selected works. T. 3: Arbitration courts: formation and development. M.: Statute, 2013. 749 p.

9. Sergunin, K. N. Regulatory and legal aspects of the formation and development of the system of arbitration courts in the Russian Federation // Young scientist. 2018. No. 18 (204). Pp. 269–270.

УДК/UDC 347

Некоторые проблемы правового регулирования договора аренды зданий и сооружений

Петров Игорь Валентинович
доктор экономических наук, профессор
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: p474@yandex.ru

Торопчин Максим Игоревич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: toropchin1005@mail.ru

Аннотация

Договор аренды является одним из самых распространенных видов гражданско-правовых договоров. Проблема правового регулирования договора аренды зданий и сооружений в настоящее время приобретает актуальность в связи с увеличением судебных споров в сфере владения, пользования и распоряжения имуществом. В статье рассмотрены основные аспекты и признаки института договора аренды зданий и сооружений. Проведен комплексный анализ теоретико-правовых положений о договоре аренды объектов недвижимости с использованием нормативно-правовых актов, в ходе которого было установлено, что правовая регламентация не в полной мере отвечает современным реалиям. Также выявлены основные проблемы в регулировании института собственности, а именно регламентирования государственной регистрации изменений и расторжения договоров аренды и определенности критериев разграничения понятий «здание» и «сооружение».

Ключевые слова: институт собственности, гражданское право, аренда зданий, условия договора аренды.

Some problems of legal regulation of lease agreements for buildings and structures

Petrov Igor Valentinovich
Doctor of Economy, professor
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: p474@yandex.ru

Toropchin Maksim Igorevich
student of the faculty of law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: toropchin1005@mail.ru

Abstract

A lease agreement is one of the most common types of civil contracts. The problem of legal regulation of lease agreements for buildings and structures is currently becoming relevant due to the increase in litigation in the field of ownership, use and disposal of property. The article discusses the main aspects and features of the institution of lease agreements for buildings and structures. A comprehensive analysis of the theoretical and legal provisions on the

lease agreement for real estate objects was carried out using legal acts, during which it was established that the legal regulation does not fully meet modern realities. The main problems in regulating the institution of property have also been identified, namely the regulation of state registration of changes and termination of lease agreements and the certainty of criteria for distinguishing the concepts of “building” and “structure”.

Keywords: institution of property, civil law, lease of buildings, terms of the lease agreement.

Современные тенденции развития гражданских отношений подчеркивают необходимость детального изучения арендных отношений и подробного законодательного регулирования данного института гражданского права. В 2024 г. эти вопросы приобретают особую актуальность, что вполне объяснимо, учитывая состояние экономики и экономической безопасности в Российской Федерации, в т. ч. и на региональном уровне [1].

Институт аренды достаточно развит в отечественных правоотношениях. Если говорить о разновидности договора аренды — договоре аренды зданий и сооружений, то данный вид гражданско-правовых договоров встречается чаще всего в предпринимательской сфере. Аренда здания или сооружения отличается от аренды жилой недвижимости тем, что в данном случае ожидается, что арендатор будет использовать недвижимость исключительно для ведения хозяйственной деятельности, для обеспечения потребностей организации, а не для повседневной жизни. Пространство, которое хозяйствующие субъекты используют для своих задач, называется нежилым помещением, т. к. это не целое здание, а пространство внутри него.

Правовые основы договора аренды в настоящее время закреплены в гл. 34 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ). Нормы, регулирующие рассматриваемый договор аренды зданий и сооружений, выделены в параграфе 4 ГК РФ. Остальные параграфы регулируют иные виды аренды.

К отношениям, вытекающим из гл. 34 ГК РФ, применяются также общие положения обязательственного права, содержащиеся в ч. 1 ГК РФ [2]. В силу п. 1 ст. 307.1 ГК РФ к договору аренды общие положения об обязательствах применяются, если иное не предусмотрено правилами об

отдельных видах договоров.

Существуют виды договоров аренды, которые требуют особенного регулирования и к которым применимы отдельные федеральные законы. Например, к правоотношениям, связанным с арендой земельных участков, применяются нормы Земельного кодекса Российской Федерации [3], Лесного кодекса Российской Федерации [4], а также нормы Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [5], Федерального закона от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» [6], Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [7] и др.

Согласно ст. 606 ГК РФ договором аренды признается гражданско-правовой договор, в силу которого арендодатель обязуется предоставить арендатору определенное имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование. Сторонами в договоре аренды зданий и сооружений выступают арендатор и арендодатель. В ст. 608 ГК РФ законодатель указывает, кому принадлежит право сдавать имущество в аренду. Так, арендодателем может быть собственник имущества, а также иные лица, управомоченные сдавать недвижимые объекты по договорам аренды. В настоящее время законодатель не устанавливает ограничений для лиц, обладающих имуществом в собственности, поэтому арендодателем могут быть любые участники гражданских правоотношений [8]. Арендодателями по этому договору в определенных случаях выступают и органы государственной власти, и органы местного самоуправления в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими их статус.

В п. 10 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» (далее по тексту — Постановление Пленума ВАС РФ № 73) отмечается, что арендодатель должен обладать правом собственности на

имущество на момент передачи его арендатору.

Если речь идет о собственниках зданий, сооружений и другого вновь созданного недвижимого имущества, то в силу того, что необходима государственная регистрация права на недвижимое имущество и на оформление сделок с ним, право собственности на него возникает с момента соответствующей регистрации, о чем говорится в ст. 219 ГК РФ.

Согласно п. 1 ст. 617 ГК РФ переход права собственности, а также хозяйственного ведения, оперативного управления, пожизненного наследуемого владения, на имущество, сданное в аренду другому лицу, не влечет за собой изменение или расторжение договора аренды.

В случае смерти арендодателя (физического лица) договор аренды не прекращается. Права и обязанности арендодателя переходят к его наследникам. Ст. 1114, 1152 ГК РФ предусматривают, что принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства, которым является день смерти гражданина независимо от времени его фактического принятия, а также момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество, когда такое право подлежит государственной регистрации [9].

Также стоит отметить, что права арендатора никоим образом не могут быть изменены из-за смены собственника недвижимого имущества. Договор будет продолжать действовать для сторон и для третьих лиц, о чем говорится в ст. 621 ГК РФ. В таких случаях арендодателем становится другое юридическое или физическое лицо, т. е. новый собственник. Стоит отметить, что в таком случае будет необходимо заключение дополнительного соглашения для того, чтобы узаконить данные отношения.

Законодательные условия, ограничивающие круг лиц, которые могут быть арендатором недвижимого имущества по такому договору, также не представлены. Обычно арендаторами выступают хозяйствующие субъекты, которые заключают договор для ведения предпринимательской деятельности либо для обеспечения ее нужд (например, аренда здания для размещения

офиса) [9].

Несмотря на отсутствие особых требований к арендатору в ГК РФ, следует учитывать общие положения о сделках, а также требования к надлежащему субъектному составу сделки.

Как указывает Н. Ю. Пащенко, арендаторы могут арендовать здания и сооружения для следующих целей:

1) для предпринимательской деятельности;

2) для обеспечения деятельности в качестве организации (применительно к зданиям), например для размещения офиса [10].

Согласно положениям п. 1 ст. 614, п. 1 ст. 650, п. 1 ст. 654 ГК РФ, по договору аренды здания или сооружения арендодатель обязуется передать во временное владение и пользование или во временное пользование арендатору здание или сооружение. Арендатор обязан своевременно вносить плату за пользование имуществом (арендную плату). Заинтересованность арендатора в использовании арендованного недвижимого имущества заключается в том, что, не обременяя себя каждый раз приобретением зданий в собственность, он может свободно использовать временно арендованные помещения для производственных или иных целей.

Здания и сооружения могут предоставляться в субаренду (поднаем). Однако в этом случае необходимо получить согласие арендодателя, если иное не установлено законом.

В современном деловом мире аренда выступает наиболее эффективным способом решения хозяйственных задач. Всевозрастающая популярность механизма арендных отношений обусловлена тем, что он подходит субъектам малого и среднего бизнеса, а также индивидуальным предпринимателям в том случае, когда собственных средств не хватает для приобретения полноценного права собственности [7].

Поэтому стоит выделить ключевые проблемы в законодательном регулировании договора аренды зданий и сооружений:

1. Законодателем не регламентирован вопрос о необходимости государственной регистрации изменений, дополнений, расторжений договоров зданий и сооружений. Отметим, что государственной регистрации данные юридические акты подлежат, если ей подлежит сам договор.

2. Отсутствует определенность касательно того, относится ли аренда помещения к регулированию согласно параграфу об аренде зданий и сооружений.

Можно сделать вывод о том, что нормативно-правовые акты в сфере регулирования аренды собственности должны постоянно совершенствоваться с учетом новых тенденций.

Список литературы:

1. Яковлева А. В., Алабердеев Р. Р., Андросов С. М. Механизм экономико-правового обеспечения национальной безопасности: опыт, проблемы, перспективы: монография / Краснодар: Научно-исследовательский институт экономики, 2011. 470 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 5.
3. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ: редакция от 01.05.2022 // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 10.04.2024).
4. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/ (дата обращения: 10.04.2024).
5. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ: с изменениями дополнениями от 30.12.2021 // СПС «КонсультантсПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37816/ (дата обращения: 10.04.2024).
6. О финансовой аренде (лизинге): Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ: с изменениями и дополнениями от 14.03.2022 // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20780/ (дата обращения: 10.04.2024).
7. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 10.04.2024).
8. Анохин В. С. Предпринимательское право: курс лекций для высших учебных заведений. М.: ВЛАДОС, 2013. 670 с. С. 147.
9. Петров И. В., Симатова Е. Л., Романова Е. Н., Шаповал О. В. Договорное право в частных и международных отношениях: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Краснодар: Южный институт менеджмента, 2014. 143 с.
10. Пащенко Н. Ю. Договор аренды зданий и сооружений // Молодой ученый. 2015. № 3. С. 666–669.

References:

1. Yakovleva A. V., Alaberdeyev R. R., Androsov S. M. Mechanism of economic and legal support of national security: experience, problems, prospects: monograph / Krasnodar: Scientific Research Institute of Economics, 2011. 470 p.

2. Civil Code of the Russian Federation (part two): Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 5.

3. Land Code of the Russian Federation: Federal Law dated October 25, 2001 No. 136-FZ: edition dated May 1, 2022 // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (date of access: 10.04.2024).

4. Forest Code of the Russian Federation dated December 4, 2006 No. 200-FZ (as amended on August 4, 2023) (with amendments and additions, entered into force on January 1, 2024) // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/ (date of access: 10.04.2024).

5. On the turnover of agricultural land: Federal Law of July 24, 2002 No. 101-FZ: as amended and supplemented by December 30, 2021 // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37816/ (date of access: 10.04.2024).

6. On financial lease (leasing): Federal Law dated October 29, 1998 No. 164-FZ: as amended and supplemented dated March 14, 2022 // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20780/ (date of access: 10.04.2024).

7. On objects of cultural heritage (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation: Federal Law of June 25, 2002 No. 73-FZ // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (date of access: 10.04.2024).

8. Anokhin B. C. Business law: a course of lectures for higher educational institutions / B. C. Anokhin. M.: VLADOS, 2013. 670 p. P.147.

9. Petrov I. V., Simatova E. L., Romanova E. N., Shapoval O. V. Contract law in private and international relations: a textbook for students of higher educational institutions / Krasnodar: Southern Institute of Management, 2014. 143 p.

10. Pashchenko N. Yu. Lease agreement for buildings and structures // Young scientist. 2015. No. 3. Pp. 666–669.

УДК/UDC 343.985.7

Особенности распознавания мошенничества и киберпреступлений посредством использования систем искусственного интеллекта на территории Российской Федерации

Старина Влада Андреевна
Студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

Усенко Анатолий Сергеевич
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: ceo@epomen.ru

Аннотация

В России наблюдается активное внедрение систем искусственного интеллекта (ИИ) для борьбы с мошенничеством и киберпреступлениями. ИИ-системы способны анализировать большие объемы данных, выявлять скрытые закономерности и аномалии, что позволяет эффективно распознавать подозрительную активность и предотвращать преступления. Однако, применение ИИ в этой сфере сталкивается с рядом особенностей. Во-первых, необходимо учитывать специфику российского законодательства, регулирующего обработку персональных данных и использование технологий слежки. Во-вторых, важно обеспечить прозрачность и объяснимость работы ИИ-систем, чтобы избежать дискриминации и предвзятости. В-третьих, требуется постоянное совершенствование алгоритмов для адаптации к новым методам мошенничества и киберпреступлений. В данной научной статье рассматриваются основные особенности, приемы и методы, связанные с использованием ИИ для распознавания мошенничества и киберпреступлений на территории Российской Федерации. Анализируются правовые аспекты, этические вопросы и технологические сложности, а также предлагаются пути их решения для повышения эффективности борьбы с преступностью в цифровой среде.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ); мошенничество; киберпреступления; персональные данные; преступная деятельность.

Features of fraud and cybercrime recognition through the use of artificial intelligence systems on the territory of the Russian Federation

Starostina Vlada Andreevna
Student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

Usenko Anatoly Sergeevich
Candidate of Law, Lecturer at the Department of Criminology
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: ceo@epomen.ru

Abstract

Russia is actively implementing artificial intelligence (AI) systems to combat fraud and cybercrime. AI systems are able to analyze large amounts of data, identify hidden patterns and anomalies, which makes it possible to effectively recognize suspicious activity and prevent crimes. However, the use of AI in this field faces a number of features. First, it is necessary to take into account the specifics of Russian legislation governing the processing of personal data and the use of surveillance technologies. Secondly, it is important to ensure transparency and explainability of the work of AI systems in order to avoid discrimination and bias. Thirdly, continuous improvement of algorithms is required to adapt to new methods of fraud and cybercrime. This scientific article discusses the main features, techniques and methods related to the use of AI to detect fraud and cybercrime in the territory of the Russian Federation. Legal aspects, ethical issues and technological difficulties are analyzed, and ways to solve them are proposed to improve the effectiveness of combating crime in the digital environment.

Keywords: artificial intelligence (AI); fraud; cybercrime; personal data; criminal activity

В настоящее время большую популярность стало набирать применение систем искусственного интеллекта в разных сферах деятельности. Благодаря своей способности к анализу данных, автоматизации процессов и предсказанию тенденций использование систем искусственного интеллекта позволяет автоматизировать задачи, анализировать большие данные, повышать эффективность работы, улучшать принятие решений, а также создавать новые продукты и услуги.

Искусственный интеллект (далее по тексту – ИИ) – это область науки и технологий, посвященная разработке компьютерных систем, способных выполнять задачи, обычно требующие человеческого интеллекта [1]. ИИ стремится создавать системы, которые могут обучаться, адаптироваться и принимать решения на основе предоставленной информации. Такие системы могут использоваться в различных областях, включая медицину, финансы, автомобильную промышленность, игровую индустрию и другие. Основные методы искусственного интеллекта включают машинное обучение, нейронные сети, обработку естественного языка и робототехнику [2].

Что из себя подразумевают системы искусственного интеллекта? По той причине, что технологии развиваются гораздо быстрее, чем создается

законодательство, возникает проблема нормативного закрепления всех возможных вариантов использования искусственного интеллекта. Это оставляет некоторую непредсказуемость и вызывает вопросы о том, насколько законы актуальны и эффективны в регулировании использования ИИ. Законодательное регулирования за искусственным интеллектом является ключевым аспектом обеспечения безопасности, прозрачности и этичности его применения. Важно сформулировать гармоничные нормы, принимая во внимание стремительный технический прогресс и социальные потребности. Так, например, следует разработать кодифицированный закон, который бы закреплял на законодательном уровне все возможные сценарии использования систем искусственного интеллекта, а также следует добавить в закон предусматривающую ответственность за его нарушения [3]. Такие меры поспособствуют урегулированию отношений, связанных с использованием ИИ, и обеспечат баланс между инновационным развитием технологий и защитой прав граждан. Кроме того, необходимо разработать этические кодексы и стандарты для разработчиков и пользователей ИИ-систем, чтобы гарантировать их ответственное и безопасное применение. Важным аспектом является также повышение уровня цифровой грамотности населения, чтобы люди могли осознанно взаимодействовать с ИИ-технологиями и защищать себя от потенциальных рисков.

Стремительное развитие компьютерных технологий во всех научно-технических областях спровоцировало рост организованной высокотехнологичной киберпреступности, которая набирает свой статус в криминальном мире. По мнению экспертов АО «Лаборатория Касперского» [4], киберпреступность в современных условиях является одной из наиболее серьезных угроз информационной безопасности страны и ее экономическому развитию, и это одна из важнейших проблем современности. Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта, уникальны в современной киберпреступности. Мошенники научились использовать нейросети для обмана, в частности, они используют их для генерации

скриптов для общения с потерпевшими и используют чат-ботов для совершения массовых звонков, фишинговых рассылок и мошеннических веб-сайтов, а также для создания и распространения фейковых (ложных, поддельных) новостей и информации. [5]

Успех борьбы с киберпреступностью в значительной степени зависит от эффективности методов предупреждения преступности и их соответствия характеру киберпреступности. Только понимание методов и приемчиков преступной деятельности, орудий и средств совершения преступлений может обеспечить успех технологий и методов борьбы с преступностью. Невозможно не согласиться с мнением, что киберпреступность отличается от "нецифровой" преступности и ее сложнее понять и объяснить [6]. Прежде всего, это определяется тем фактом, что киберпреступность сама по себе требует квалификации преступников и сотрудников правоохранительных органов в области информационных технологий. Эта квалификация включает в себя понимание логики программирования, а также знания в области информационной безопасности и навыки реального использования или нейтрализации вредоносных программ и специализированного оборудования. Без соответствующих знаний и навыков ученых-исследователей и сотрудников правоохранительных органов невозможно эффективно бороться с киберпреступностью [7].

Основываясь на международном опыте, системы искусственного интеллекта (ИИ) широко применяются для борьбы с мошенничеством и кибепреступностью. На сегодняшний день системы ИИ применяются в США, Китай, ЕС, Израиль и др. Так, к примеру, в США компании платежных систем, такие как PayPal и Stripe, используют ИИ для обнаружения потенциальных мошеннических операций. Системы ИИ анализируют большой объем данных об активности пользователей, чтобы автоматически идентифицировать подозрительные транзакции и блокировать их [8]. Китайский опыт состоит в том, что организация Alibaba применяет технологии ИИ для борьбы с мошенничеством в электронной коммерции.

ИИ-алгоритмы используются для анализа покупательского поведения и выявления необычных или подозрительных действий, таких как массовые заказы или несоответствие платежных данных. Это позволяет предотвратить мошенничество и обеспечить безопасность платежей [9]. В ЕС ИИ применяется для обнаружения кибератак и предотвращения угроз информационной безопасности. Например, в рамках программы Horizon 2020 создается система моделирования ИИ, которая предупреждает о потенциальных киберугрозах и помогает организациям обеспечить собственную информационную безопасность [10]. Израиль активно использует ИИ для выявления и предотвращения кибератак. Например, компания CyberInt разработала систему ИИ, способную обрабатывать огромные объемы данных, чтобы выявлять скрытые уязвимости в системах безопасности и предотвращать кибератаки до их реализации [11]. Такие примеры подтверждают эффективность применения ИИ в борьбе с мошенничеством и киберпреступностью. Однако, необходимо постоянно развивать и совершенствовать эти системы, так как киберпреступники также адаптируются к новым технологиям и методам атак.

В России банки активно внедряют ИИ для борьбы с мошенничеством [12, С. 145]. ПАО «Сбербанк», например, использует мультимодальную нейросеть "Гигачат", которая анализирует информацию из разных источников, таких как текст, голос и изображения, для выявления подозрительных транзакций, поддельных документов и признаков социальной инженерии. Другие банки, такие как АО «Райффайзенбанк» и АО «Россельхозбанк», также разрабатывают и используют ИИ-системы для анализа операций и оценки рисков мошенничества.

Однако, существуют и проблемы. Мошеннические схемы постоянно меняются, что требует постоянного совершенствования алгоритмов ИИ. ИИ-системы могут допускать ошибки, идентифицируя легитимные операции как мошеннические, что создает неудобства для клиентов. Кроме того, использование ИИ для анализа данных клиентов поднимает вопросы о

защите персональной информации. Разработка и внедрение ИИ-решений требует значительных инвестиций [13, С. 49]. Несмотря на сложности, использование ИИ в борьбе с мошенничеством является важным шагом для повышения безопасности и снижения финансовых потерь как для государства, так и для организаций.

Международный опыт использования систем ИИ для предупреждения, выявления и пресечения мошенничества и киберпреступности может быть полезным для российских правоохранительных органов в некоторых аспектах их деятельности:

Во-первых, следует обратить внимание на то, что можно применять искусственный интеллект для анализа большого объема данных. Так с помощью алгоритмов машинного обучения можно обрабатывать большой объем информации и выявлять в ней скрытые закономерности. В криминалистике это очень полезно для выявления связей между преступниками, определения мест преступлений или идентификации лиц на видеозаписях.

Во-вторых, нужно понимать то, что искусственный интеллект может помочь криминалистике, такие как автоматизация процессов. Например, с помощью ИИ можно создать систему для идентификации автомобильных номеров или лиц на фотографиях. Это позволяет значительно ускорить процесс раскрытия преступлений и повысить точность установления личности подозреваемых.

В-третьих, могут быть созданы системы анализа звука и речи посредством использования систем искусственного интеллекта. Данную технологию можно будет применять для распознавания речи. Искусственный интеллект в данной сфере может анализировать разговоры и выявлять признаки преступной деятельности. Это очень полезно для борьбы с организованной преступностью или терроризмом.

Также стоит обратить внимание на то, что искусственный интеллект может помочь в области криминалистики и судебно-медицинской

экспертизы с помощью компьютерного зрения, так, к примеру, его можно применять в области анализа фотографий или видеозаписей, в добавок он может посредством данных действий выявлять следы преступлений. Кроме того, он также может быть использован для анализа образцов ДНК и определения вероятности того, что подозреваемый имеет генетическую связь с местом преступления.

На основе выше сказанного, возникает вопрос, как грамотно ввести использование систем ИИ для распознавания мошенничества и киберпреступлений на территории Российской Федерации? Безусловно, утверждение Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года Президентом России в октябре 2019 года стало ключевым этапом в развитии этой сферы [14]. Стратегия определила приоритетные задачи, такие как ускоренное развитие ИИ в России, проведение научных исследований и подготовка квалифицированных кадров. Это создает прочный фундамент для внедрения ИИ в различные области, включая расследования, о чем мы говорили ранее. По мнению разработчиков, обозначенная стратегия должна стать концептуальной основой для реализации комплекса мер по внедрению технологий искусственного интеллекта в различных секторах экономической и социальной сфер. В соответствии с этой стратегией Правительство Российской Федерации пересмотрело действующий национальный план "Цифровая экономика Российской Федерации" и сформулировало федеральный проект "Искусственный интеллект" [15]. Федеральный проект "Искусственный интеллект", возникший в рамках обновленного плана "Цифровая экономика Российской Федерации", открывает перед следователями новые горизонты в применении ИИ для расследования преступлений [16].

Искусственный интеллект становится незаменимым помощником, способным анализировать большие массивы данных, такие как записи камер видеонаблюдения, телефонные звонки, финансовые транзакции и активность

в социальных сетях. Выявляя скрытые связи и закономерности, ИИ помогает следователям идентифицировать подозреваемых, используя системы распознавания лиц и голоса, а также прогнозировать их дальнейшие действия для предотвращения преступлений [17]. Рутинные задачи, такие как составление отчетов и поиск информации, автоматизируются, экономя время и ресурсы следователей. ИИ обеспечивает объективность и беспристрастность в анализе данных, исключая человеческий фактор и субъективность, что ведет к повышению качества расследований. Новые, неочевидные улики и связи, которые могли быть упущены, становятся заметными благодаря анализу данных с помощью ИИ. Визуализация информации в виде графиков, схем и карт упрощает анализ данных и представление результатов расследования [18]. В конечном итоге, использование ИИ сокращает время расследования, оптимизирует ресурсы и позволяет следователям сосредоточиться на наиболее перспективных направлениях. Важно помнить, что ИИ – это инструмент в руках следователя, а не его замена. Окончательные решения принимаются человеком, опираясь на свой опыт, знания и интуицию. Внедрение ИИ требует решения вопросов, связанных с законодательным регулированием, обучением кадров и защитой данных. При ответственном подходе, ИИ способен значительно повысить эффективность и качество работы правоохранительных органов.

По данным на 2023 год в России, так и во всем мире для борьбы с преступностью используются различные технологии, основанные на искусственном интеллекте. Например, была разработана система "Криминалист", которая позволяет анализировать данные из различных источников, таких как базы данных Министерства внутренних дел (МВД), Федеральной службы безопасности (ФСБ), Федеральной службы исполнения наказания (ФСИН), Следственного комитета России (СКР), Федеральной налоговой службы (ФНС), Росфинмониторинга и др. Алгоритм также изучает открытые источники, такие как социальные сети и различные СМИ.

"Криминалист" способен выявлять потенциальных преступников, группы, места преступлений и другие оптимальные решения для сотрудников правоохранительных органов [18, С. 109].

При расследовании преступления очень важно правильно спланировать каждое следственное действие, в том числе грамотно выбрать стратегию своего поведения. Если искусственный интеллект подскажет следователям наиболее подходящую стратегию, основанную на существующей следственной ситуации и данных о психологическом типе обвиняемого по уголовному делу, то искусственный интеллект окажет большую помощь. Например, как следователи передвигаются по помещению во время обыска, каких заявлений следует избегать во время допроса потерпевшего и сколько времени отводится на запланированные следственные действия. Другими словами, искусственный интеллект сможет оживить многие криминалистические технологии и помочь максимально эффективно применять эти технологии в конкретных ситуациях [19].

Стоит обратить внимание на то, что использование искусственного интеллекта может помочь предотвратить преступность. Например, нейронные сети могут анализировать данные и выявлять потенциально опасные ситуации, что позволяет правоохранительным органам реагировать на них быстрее и эффективнее [20]. Но не стоит забывать, что нейронные сети могут быть скрытыми и непонятными для граждан. Это может привести к сомнению и недоверию к правоохранительным органам и их работе.

Резюмируя все вышесказанное, можно прийти к выводу о том, что использование нейронных сетей и искусственного интеллекта может значительно улучшить работу правоохранительных органов и обеспечить более эффективную борьбу с преступностью. Однако необходимо принимать во внимание недостатки и опасности использования искусственного интеллекта, такие как предубеждения, вторжение в частную жизнь и использование для подавления оппозиции и недоверия граждан. В первую очередь следует помнить, что конечное решение всегда принимает человек, и

искусственный интеллект служит лишь инструментом для анализа и обработки данных.

Чтобы снизить риск использования искусственного интеллекта в правоохранительных органах, необходимо провести более тщательное исследование и аудит данных, используемых для обучения нейронных сетей. Также необходимо сформулировать строгие правила использования искусственного интеллекта правоохранительными органами и обеспечить прозрачность их работы. В особенности важно уделить внимание защите частной жизнь и прав граждан.

Тем не менее, использование искусственного интеллекта в правоохранительных органах играет важную роль в борьбе с преступностью и повышении эффективности работы правоохранительных органов. Но не стоит забывать, что необходимо учитывать риски и недостатки, связанные с его использованием, и принимать меры по минимизации этих рисков.

В конечном счете, развитие искусственного интеллекта и нейронных сетей в правоохранительных органах будет продолжаться и в будущем. Важно соблюдать баланс между эффективностью и безопасностью, чтобы обеспечить противопожарную защиту и более безопасное общество.

Список литературы:

1. Мамитова, Н. В. Антикоррупционная правовая политика: проблемы формирования в современной России / Н. В. Мамитова // Право и современные государства. – 2013. – № 3. – С. 35-40. – EDN RTDCQH.

2. Гемуев, А. Х. Экстремизм и правовой нигилизм: соотношение понятий и меры противодействия (региональный аспект) / А. Х. Гемуев, А. К. Халифаева // Правовой порядок и юридическая деятельность : Сборник научных статей II Всероссийской национальной конференции студентов, магистрантов и молодых ученых, Ростов-на-Дону, 07 февраля 2023 года / Под редакцией А.В. Фёдорова, Г.С. Працко. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2023. – С. 228-234. – EDN ILWECP.

3. Халифаева, А. К. Правовые меры борьбы с террористической и экстремистской деятельностью / А. К. Халифаева, Е. Э. Ганаева // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. – 2020. – № 4(40). – С. 148-155. – DOI 10.36684/chesu-2020-40-4-148-155. – EDN QAXYEW.

4. Мамитова, Н. В. Проблемы проведения антикоррупционной экспертизы органами прокуратуры Российской Федерации / Н. В. Мамитова // Вопросы правоведения. – 2013. – № 1(17). – С. 288-294. – EDN QAUWQP.

5. Яковец, Е. Н. Использование информационно аналитических методов для

выявления, раскрытия и расследования коррупционных преступлений / Е. Н. Яковец, Л. А. Авдашкевич, Е. А. Тюряева // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 3(33). – С. 125-131. – EDN RBHOLT.

6. Яковец, Е. Н. Оперативно-разыскные меры полиции по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации / Е. Н. Яковец // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 3(43). – С. 127-131. – EDN ZGZPSF.

7. Обыскалов, Е. П. О некоторых аспектах борьбы органов внутренних дел с профессиональной преступностью / Е. П. Обыскалов, А. Н. Поздняков // Закон и право. – 2020. – № 2. – С. 163-167. – DOI 10.24411/2073-3313-2020-10093. – EDN VYAHNS.

8. Мамитова, Н. В. Проблемы противодействия коррупционным преступлениям в Российской Федерации / Н. В. Мамитова // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10, № 2. – С. 261-269. – DOI 10.17150/1996-7756.2016.10(2).261-269. – EDN WKESTB.

9. Губин, А. В. Современные подходы к информационно-аналитическому обеспечению оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / А. В. Губин, П. Н. Хлуднев, Е. Н. Яковец // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов : XII Международная научная конференция: сборник трудов, Москва, 20–21 мая 2003 года / Ответственный редактор Кирин В. И.. – Москва: Академия управления МВД России, 2003. – С. 188-192. – EDN JETYBN.

10. Усенко, С. В. Психотехника общения в оперативно-разыскной деятельности / С. В. Усенко, В. В. Стукалов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 4(38). – С. 19-22. – EDN TEYJRV.

11.

12. Usenko, S. V. On the issue of abuse of procedural rights aimed at delaying the civil process / S. V. Usenko // Current problems of criminal and private law : Сборник материалов очно-заочной международной научно-практической конференции, Краснодар, 20 декабря 2021 года / Отв. за выпуск А.С. Усенко. – Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью "Эпомен", 2021. – P. 40-46. – EDN FASAJO.

13. Поздняков, А. Н. Теория оперативно-розыскной деятельности и частные (специальные) теории / А. Н. Поздняков // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 3(55). – С. 57-64. – EDN OGDHWQ.

14 Usenko, S. V. The concept and content of parental rights / S. V. Usenko // Current problems of criminal and private law : Сборник материалов очно-заочной международной научно-практической конференции, Краснодар, 20 декабря 2021 года / Отв. за выпуск А.С. Усенко. – Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью "Эпомен", 2021. – P. 47-51. – EDN DOJVKV.

15. Максакова, Е. Н. Проблема применимости различных методологических подходов к исследованию дисциплины в правовой сфере / Е. Н. Максакова, А. К. Халифаева // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 7. – С. 24-29. – DOI 10.24411/2073-0454-2019-10369. – EDN CVZGHC.

16. Халифаева, А. К. К вопросу о противодействии идеологии экстремизма и терроризма / А. К. Халифаева // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. – 2016. – № 12. – С. 119-125. – EDN YJBBFJ.

17. Транснациональная криминальная среда - объект деятельности оперативных аппаратов / В. Г. Бирюлькин, В. В. Новиков, В. Л. Райков, С. В. Усенко ; Под редакцией В.Г. Бирюлькина, В.В. Новикова, В.Л. Райкова, С.В. Усенко. – Волгоград : Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2007. – 64 с. – ISBN 978-5-7899-0498-5. – EDN RVRMYN.

18. Яковец, Е. Н. Правовые основы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации : учебное пособие / Е. Н. Яковец ; Е. Н. Яковец. – Москва : Юрлитинформ, 2010. – 332 с. – ISBN 978-5-93295-645-8. – EDN QRPPID.

19. Поздняков, А. Н. О некоторых методах получения информации в виртуальной

среде и об этичности ее использования в уголовном процессе / А. Н. Поздняков, С. С. Булгаков // Академическая мысль. – 2022. – № 4(21). – С. 229-234. – EDN TNCGWK.

20. Усенко, С. В. Проблемы идентификации личности при розыске лиц, пропавших без вести / С. В. Усенко, А. Е. Шуленина // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности, Краснодар, 21 ноября 2014 года. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2015. – С. 239-248. – EDN VPTJUP.

References

1. Mamitova, N. V. Anti-corruption legal policy: problems of formation in modern Russia / N. V. Mamitova // Law and modern states. - 2013. – No. 3. – pp. 35-40. – EDN RTDCQH.

2. Gemuev, A. H. Extremism and legal nihilism: correlation of concepts and counteraction measures (regional aspect) / A. H. Gemuev, A. K. Khalifaeva // Legal order and legal activity : Collection of scientific articles of the II All-Russian National Conference of Students, Undergraduates and Young Scientists, Rostov-on-Don, February 07, 2023 / Edited by A.V. Fedorov, G.S. Pratsko. – Rostov-on-Don: Rostov State University of Railway Engineering, 2023. – pp. 228-234. – EDN ILWECP.

3. Khalifaeva, A. K. Legal measures to combat terrorist and extremist activities / A. K. Khalifaeva, E. E. Ganaeva // Bulletin of the Chechen State University named after A.A. Kadyrov. – 2020. – № 4(40). – Pp. 148-155. – DOI 10.36684/chesu-2020-40-4-148-155. – EDN QAXYEW.

4. Mamitova, N. V. Problems of conducting anti-corruption expertise by the Prosecutor's Office of the Russian Federation / N. V. Mamitova // Legal issues. – 2013. – № 1(17). – Pp. 288-294. – EDN QAUWQP.

5. Yakovets, E. N. The use of information and analytical methods for the identification, disclosure and investigation of corruption crimes / E. N. Yakovets, L. A. Avdashkevich, E. A. Tyuryaeva // The rule of law: theory and practice. – 2013. – № 3(33). – Pp. 125-131. – EDN RBHOLT.

6. Yakovets, E. N. Operational investigative measures of the police to ensure information security of the Russian Federation / E. N. Yakovets // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 3(43). – Pp. 127-131. – EDN ZGZPSF.

7. Obyskalov, E. P. On some aspects of the fight of internal affairs bodies against professional crime / E. P. Obyskalov, A. N. Pozdnyakov // Law and Law. – 2020. – No. 2. – pp. 163-167. – DOI 10.24411/2073-3313-2020-10093. – EDN VYAHNS.

8. Mamitova, N. V. Problems of countering corruption crimes in the Russian Federation / N. V. Mamitova // All–Russian Journal of Criminology. - 2016. – Vol. 10, No. 2. – pp. 261-269. – DOI 10.17150/1996-7756.2016.10(2) .261-269. – EDN WKESTB.

9. Gubin, A.V. Modern approaches to information and analytical support for operational investigative activities of internal affairs bodies / A.V. Gubin, P. N. Khludnev, E. N. Yakovets // Informatization and information security of law enforcement agencies : XII International Scientific Conference: proceedings, Moscow, May 20-21, 2003 / Responsible editor Kirin V. I. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. – pp. 188-192. – EDN JETYBN.

10. Usenko, S. V. Psychotechnics of communication in operational investigative activities / S. V. Usenko, V. V. Stukalov // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2014. – № 4(38). – Pp. 19-22. – EDN TEYJRV.

11.

12. Usenko, S. V. On the issue of abuse of procedural rights aimed at delaying the civil process / S. V. Usenko // Current problems of criminal and private law : Collection of materials

of the intramural and correspondence international scientific and practical conference, Krasnodar, December 20, 2021 / Rel. for the issue of A.S. Usenko. – Krasnodar: Epomen Limited Liability Company, 2021. – P. 40-46. – EDN FASAJO.

13. Pozdnyakov, A. N. Theory of operational investigative activity and private (special) theories / A. N. Pozdnyakov // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3(55). – Pp. 57-64. – EDN OGDHWQ.

14 Usenko, S. V. The concept and content of parental rights / S. V. Usenko // Current problems of criminal and private law : Collection of materials of the intramural and correspondence international scientific and practical conference, Krasnodar, December 20, 2021 / Rel. for the issue of A.S. Usenko. – Krasnodar: Epomen Limited Liability Company, 2021. – P. 47-51. – EDN DOJVKV.

15. Maksakova, E. N. The problem of the applicability of various methodological approaches to the study of discipline in the legal field / E. N. Maksakova, A. K. Khalifaeva // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 7. – pp. 24-29. – DOI 10.24411/2073-0454-2019-10369. – EDN CVZGHC.

16. Khalifaeva, A. K. On the issue of countering the ideology of extremism and terrorism / A. K. Khalifaeva // Bulletin of the Essentuki Institute of Management, Business and Law. - 2016. – No. 12. – pp. 119-125. – EDN YJBBFJ.

17. Transnational criminal environment - the object of activity of operational apparatus / V. G. Birulkin, V. V. Novikov, V. L. Raikov, S. V. Usenko; Edited by V.G. Birulkin, V.V. Novikov, V.L. Raikov, S.V. Usenko. – Volgograd : Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2007. – 64 p. – ISBN 978-5-7899-0498-5. – EDN RVRMYN.

18. Yakovets, E. N. The legal foundations of ensuring information security of the Russian Federation : a textbook / E. N. Yakovets; E. N. Yakovets. – Moscow : Yurlitinform, 2010. – 332 p. – ISBN 978-5-93295-645-8. – EDN QRPPID.

19. Pozdnyakov, A. N. On some methods of obtaining information in a virtual environment and on the ethics of its use in criminal proceedings / A. N. Pozdnyakov, S. S. Bulgakov // Academic thought. – 2022. – № 4(21). – Pp. 229-234. – EDN TNCGWK.

20. Usenko, S. V. Problems of identity identification in the search for missing persons / S. V. Usenko, A. E. Shulenina // Topical issues of theory and practice of operational investigative activities, Krasnodar, November 21, 2014. – Krasnodar: Federal State-owned educational institution of Higher professional Education "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", 2015. – pp. 239-248. – EDN VPTJUP.

УДК/ UDC 343.98

Особенности тактики отдельных следственных действий с участием представителей этнических диаспор

Лущик Ирина Витальевна,
студентка юридический факультет
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: lushchikg@gmail.com

Хлус Александр Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, докторант
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: hlus.home@mail.ru
SPIN-код: 1560-4979

Аннотация

В статье рассматриваются особенности тактики следственных действий с участием представителей этнических диаспор. Акцентировано внимание на тактике допроса и назначения экспертизы по уголовным делам, участниками которых являются лица, относящиеся к данной категории. Расследуя уголовные дела в отношении или с участием представителей этнических диаспор, следователи руководствуются общими правилами проведения следственных действий, не учитывая, что у разных наций и народностей имеются свои традиции, обычаи и религия. Знание данных обстоятельств и строгое в соответствии с этим соблюдение тактики проведения следственных действий в отношении представителей этнических диаспор позволяет следователю получить необходимые сведения о совершённом деянии. Не маловажна в этом аспекте подготовка следователя: обладание им высокими моральными качествами, высокая квалификация, знание культуры, традиций, обычаев, религии представителей этнической группы.

Ключевые слова: этнические диаспоры, криминалистическая тактика, следственные действия, допрос, назначение экспертизы.

Features of the tactics of individual investigative actions with the participation of representatives of ethnic diasporas

Lushchik Irina Vitalievna,
4th year student, Faculty of Law,
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: lushchikg@gmail.com

Khlus Alexander Mikhailovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Forensic Science
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: hlus.home@mail.ru
SPIN: 1560-4979

Abstract

The article discusses the features of investigative tactics with the participation of representatives of ethnic diasporas. Attention is focused on the tactics of interrogation and appointment of examination in criminal cases, the participants of which are persons belonging to this category. When investigating criminal cases against or involving representatives of ethnic diasporas, investigators are guided by the general rules of investigative actions, not taking into

account that different nations and nationalities have their own traditions, customs and religion. Knowledge of these circumstances and strict adherence to investigative tactics in relation to representatives of ethnic diasporas allows the investigator to obtain the necessary information about the act committed. The preparation of the investigator is not unimportant in this aspect: his possession of high moral qualities, high qualifications, knowledge of the culture, traditions, customs, religion of representatives of the ethnic group.

Key words: ethnic diasporas, forensic tactics, investigative actions, interrogation, appointment of examination.

Криминалистическая тактика является одним из старейших разделов криминалистической науки. За более чем столетний период с момента её возникновения она превратилась в действенное средство, эффективно используемое в процессе расследования уголовных дел. Вместе с тем, сохраняет свою актуальность потребность в постоянном совершенствовании и разработке новых, рациональных тактико-криминалистических приемов следственной деятельности при расследовании различных видов и групп преступлений.

Необходимость рассмотрения особенностей тактики следственных действий в отношении представителей этнических групп обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, увеличением количества уголовных дел, участниками которых в различном статусе выступает данная категория физических лиц; во-вторых, тенденцией роста количества мигрантов пребывающих на территорию Республики Беларусь, что, соответственно, увеличивает диаспоральные образования.

По данным статистики в 2023 году иностранные граждане и лица без гражданства (далее – иностранцы) въезжали на территорию республики свыше 1,6 млн. раз. Наибольшее количество пересечений Государственной границы Республики Беларусь совершали граждане России (763 222), Литвы (330 508), Латвии (104 778), Украины (76 729), Польши (64 224) и Казахстана (31 626). По состоянию на 31.12.2023 г. на учете в территориальных органах внутренних дел (далее – ОВД) состояло более 217 тыс. иностранцев, в т. ч. более 48 тыс., имели разрешение на временное проживание, из них 21,8 тыс. прибыли на учебу и более 9,1 тыс.

– для осуществления трудовой деятельности. Более 168 тыс. проживают в Беларуси постоянно. Процедуру регистрации в ОВД прошли 67 тыс. иностранцев [1].

На территорию Республики Беларусь граждане (подданные) иностранных государств и лица без гражданства приезжают по разным основаниям и с различной целью: трудовая деятельность, получение образования, туризм и т. д. Пребывание иностранных граждан (подданных) и лиц без гражданства регламентировано специальным законом [2]. В результате длительного проживания (пребывания) иностранных граждан образуются сплочённые и устойчивые этнические группы (диаспоры).

Под диаспорой следует понимать форму общности людей, которая отличается устойчивостью, образовалась в процессе миграций и локально проживающая «вне исторической родины и имеющая способность к самоорганизации, представители которой объединены такими признаками, как групповое самосознание, память об историческом прошлом предков, культура народа» [3].

На территории Республики Беларусь проживают представители 140 наций и народностей, из которых 18 имеют численность более одной тысячи человек. В Беларуси сформировались и существуют различные этнические диаспоры: цыгане, евреи, армяне и другие. Из представителей кавказских народов наибольшую численность составляют армяне, азербайджанцы и грузины [4, с. 116]. Отличительными характеристиками члена диаспоры являются: 1) определенное виденье родины; 2) отсутствие полной интеграции в принимаемом обществе; 3) обладание этнонациональным сознанием, связанным с родиной и др. [5, с. 83–99].

Миграционная ситуация в Республике Беларусь остается контролируемой, управляемой. Представители диаспор существенно не влияют на уровень криминогенной обстановки в государстве.

В 2023 г. зарегистрировано 1148 расследованных преступлений, совершенных иностранцами, при этом увеличилось по сравнению с 2022

годом число иностранцев, совершивших различные преступления (с 891 до 919). Их удельный вес в общей структуре преступности 2023 года составил 2,5%. Согласно данным о гражданской принадлежности наибольшее количество криминальных деяний совершено гражданами России (59,5 %, 683 преступления), а также значительное количество – Украины (11,1%, 125), Туркменистана (5,7 %, 65) и Казахстана (2,4 %, 27). На момент совершения преступлений 606 иностранцев (65,9% от общего количества иностранцев, совершивших преступления) не учились и не работали. При этом правовые основания для трудоустройства в республике на момент совершения преступления имели лишь 17,8% (108) иностранцев, относящихся к данной категории [1].

Появление в Республике Беларусь граждан, имеющих свою культуру, свои национальные особенности, традиции, определяет необходимость изучения вопроса о тактике следственных действий в отношении таких лиц, в случае совершения ими преступлений.

Белорусские ученые не уделили должного внимания вопросам тактики проведения отдельных следственных действий с участием представителей различных диаспор.

Тактику проведения любого следственного действия составляют приёмы его подготовки, производства, фиксации и оценки результатов. В тактике проведения следственного действия выделяют три основных этапа, отражающих его организационную составляющую: подготовительный, рабочий и заключительный [6, с. 199].

Владение тактикой следственных действий обеспечивает: во-первых, их результативность (правильный выбор стратегии действий способствует достижению целей расследования); во-вторых, минимизацию возможных ошибок (правильное планирование и выполненные следственные действия помогают избежать ошибок и упущений, негативно влияющих на процесс расследования); в-третьих, защиту прав обвиняемых (в ходе контроля над расследованием выявляются нарушения процессуальных прав); в-четвертых,

профессиональное развитие (повышается профессиональный уровень следователей).

Изучение тактики следственных действий является необходимым элементом профессиональной подготовки следователей, а также важным фактором успешного и эффективного расследования уголовных дел.

Расследуя уголовные дела в отношении представителей этнических диаспор, следователи руководствуются общими правилами проведения следственных действий, не учитывая, что у разных наций и народностей имеются свои традиции, обычаи, религия и иное.

Рассмотрим тактику отдельных следственных действий с участием представителей этнических диаспор.

Обязательным следственным действием при расследовании любого уголовного дела является допрос. В криминалистической литературе содержится много работ, посвященных тактике его производства [7], но не акцентируется внимание на особенностях допроса лиц, принадлежащих к определенному этническому образованию.

Мы же остановимся на общих вопросах, значимых при производстве допроса в ходе расследования преступлений, совершенных представителями этнических групп либо имеющих к ним иное отношение.

Допрашивая представителей этнической диаспоры, следует учитывать следующее.

Во-первых, необходимо установить уровень владения допрашиваемым языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, и решить вопрос о привлечении переводчика. Вопрос о привлечении переводчика к участию в проведении следственного действия с участием представителя этнической диаспоры является особенностью тактики проведения любого следственного действия.

Во-вторых, допрашивая подозреваемого (обвиняемого) следователь традиционно задает вопросы об его отношении к совершённому преступлению. Кроме того, в случае расследования преступлений,

совершенных на почве национальной или расовой вражды или ненависти, подлежат обязательному выяснению следующие вопросы: 1) отношение допрашиваемого к политическим партиям либо общественным движениям или организациям: когда вступил, с какой целью, какую выполняет функцию; 2) отношение к деятельности партии или общественного объединения, кто является их лидером, какие цели преследует, какие задачи реализует; 3) при отрицательном ответе на первый вопрос, выясняется, участвовал ли он ранее в подобных организациях или объединениях; 4) какая этническая принадлежность допрашиваемого по документам, и к какой национальности себя относит, и почему [8, с. 69].

В-третьих, при постановке вопросов следователь должен учитывать особенности психологии допрашиваемого лица. Это предполагает предварительное изучение личности данного лица. Допрашивая представителя этнической диаспоры, рекомендуется задавать вопросы деликатно, с особой осторожностью, учитывая специфику его национальной принадлежности и соблюдая основные конституционные права человека и гражданина. Грубо сформулированные вопросы могут вызвать неприемлемую реакцию допрашиваемого и соответственно потере психологического контакта следователя с допрашиваемым лицом.

В-четвертых, важно тактически правильно выбрать момент для допроса потерпевшего. В зависимости от тяжести совершенного преступления находится величина вреда (ущерба), причиненного потерпевшему. Психологический шок, вызванный трагичностью происшедшего для потерпевшего, предполагает определенные трудности допроса, проводимого вскоре после совершенного преступления [8, с. 73]. Проводить допрос целесообразно через некоторое время. Если такая задержка с допросом может привести к сокрытию следов преступления либо позволит виновному скрыться, то допрос все же проводится сразу после совершенного преступления, но с привлечением психолога. Его задача обеспечить такую обстановку допроса, при которой потерпевшее лицо сможет рассказать все

обстоятельства произошедшего. Важным обстоятельством является то, что психолог должен быть одной и той же национальности, что и допрашиваемое лицо.

Значимую роль в расследовании любого преступления, в том числе и на почве национальной, расовой, религиозной вражды или розни, играют показания свидетелей, представителей этнических диаспор. Они могут сообщить более полную и объективную информацию о событии преступления, об участниках конфликта, о конкретном участии каждого из них в событиях, интересующих следствие.

Строгое соблюдение тактики допроса представителей этнических диаспор позволяет следователю получить максимально подробную информацию о совершённом деянии. Не маловажна в этом аспекте подготовка следователя: обладание им высокими моральными качествами, высокая квалификация, знание им культуры, традиций, обычаев, религии представителя этнической группы.

Далее рассмотрим такое следственное действие как назначение и проведение судебной экспертизы. Существует множество видов судебной экспертизы. Мы остановимся на одном из распространённых её видов: судебно-медицинская экспертиза.

Тактика назначения судебную экспертизу предполагает принятие следователем соответствующего решения, подготовку объектов и материалов, направляемых на экспертизу (исследуемых объектов и сравнительных образцов), выбор экспертного подразделения и составление постановления о назначении экспертизы.

При назначении судебной экспертизы в отношении представителей разных этнических групп необходимо учитывать особенности их традиций, обычаев, религии. Игнорирование этих особенностей может привести к факторам, существенно затрудняющим, а зачастую и обуславливающим невозможность производства данных следственных действий. Тактически верное поведение следователя способно сглаживать негативные проявления.

Например, родственники погибшего (убитого) представителя диаспоры, фактически противодействуя производству судебно-медицинской экспертизы, не имеют намерения вводить следствие в заблуждение либо формировать не соответствующие истине сведения. Руководствуясь религиозными нормами и обычаями погребения, например, мусульмане, стремятся похоронить умершего до захода солнца, обеспечив неприкосновенность тела и его обрядовое омовение, не допускающее большого количества посторонних людей (особенно противоположного пола) [9, с. 81]. Известие о смерти мусульманина сообщается максимальному количеству людей знающих покойника. Целью этого является обеспечение заупокойного намаза при максимальном количестве присутствующих на нём. Решение следственной задачи, связанной с необходимостью поведения судебной экспертизы, может натолкнуться на противодействие такому решению со стороны многочисленных представителей диаспоры в месте нахождения трупа. Складывается реальная возможность конфликтной ситуации. В таком случае следователю рекомендуется организовать проведение следственного действия, основываясь на мнении и согласии родственников жертвы преступления.

При назначении судебно-медицинской экспертизы следователю необходимо разумно подходить к реализации своих действий, учитывая специфику этнической диаспоры. Так же он должен уведомить эксперта в отношении кого проводится экспертиза, разъясняя все особенности культуры представителя этнической диаспоры, её традиций и обычаев, чтобы не допустить в будущем наступления конфликта.

Важно также подобрать правильную тактику сообщения родственникам о совершенном преступлении, установив с ними психологический контакт.

Исходя из выводов, сделанных в ходе анализа тактики отдельных следственных действий с участием представителей этнических диаспор, можно заключить, что это явление в системе криминалистической науки достаточно сложное, требующее глубоко и всестороннего изучения.

Основными отличительными особенностями проведения тактики следственных действий в отношении представителей разных этнических групп является то, что в каждом следственном действии особое внимание следователь уделяется психологическому аспекту. Необходимо уметь правильно задавать вопросы, проводить следственное действие, не нарушая права и свободы таких лиц, не унижая их честь и достоинство Требуется подчеркнуто уважительное отношение к культуре, традициям представителей этнических диаспор. Это представляется возможным при наличии у следователя высоких моральных качеств, большого практического опыта.

Считаем, что для наиболее полного и объективного раскрытия преступлений с участием представителей этнических групп, необходимо предъявлять дополнительные требования к сотрудникам следственного комитета, которые будут работать исключительно с представителями других групп. Помимо обладания моральными и деловыми качествами нужно иметь овладеть знаниями в области культуры, истории, религии и обычаев разных стран.

На основе изложенного можно сделать вывод, что тактика проведения следственных действий в отношении представителей этнических диаспор требует дальнейшей и всесторонней разработки.

Список литературы:

1. Статистика миграции. URL: https://www.mvd.gov.by/ru/page/departament-po-grazhdanstvu-i-migraci/migraciya/statistika-po-migracii (дата обращения: 27.03.2024).

2. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь : Закон Республики Беларусь от 04.01.2010 г. № 105-З. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=H11000105 (дата обращения: 19.04.2024).

3. Залитайло И. В. Этнонациональные диаспоры и диаспоральные образованиия: сущность и структура // Аналитика культурологии. 2004. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnonatsionalnye-diaspory-i-diasporalnye-obrazovaniiya-suschnost-i-struktura (дата обращения: 14.04.2024).

4. Злотников А. Г., Маньшин Р. В. Диаспоры кавказских народов в Республике Беларусь // Демографический и миграционный портрет Кавказа / Институт социально-политических исследований РАН, Центр социальной демографии, Университет МГИМО ; гл. ред.: С. В. Рязанцев. М., 2019. С. 115–124.

5. Сафран У. Диаспоры в современных обществах: мифы о Родине и возвращении // Диаспора: журнал транснациональных исследований. 1991. Т.1. № 1. С. 83–99.

6. Криминалистика : пособие / В. Б. Шабанов [и др.] ; под ред. В. Б. Шабанова, В.

Л. Григоровича. Минск : БГУ, 2019. 551 с.

7. См. напр.: Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. 3-е изд. пер. и доп. Минск : Выш. школа, 1978. 176 с.; Порубов Н. И., Порубов А. Н. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 304 с. и др.

8. Методика расследования преступлений, совершаемых на почве национальной или расовой вражды или ненависти / А. Я. Винников, Н. М. Гиренко, О. Н. Коршунова, А. В. Леухин, Е. Б. Серова; Под общ. ред. О. Н. Коршуновой. СПб., 2002. 92 с.

9. Сефербеков Р. И. Современный похоронный обряд граждан Дагестана: синкретизм ислама, традиционных верований и новых обычаев // Исламоведение. 2019. Т. 10. № 2 (40). С. 76–90. DOI 10.21779/2077- 8155-2019-10-2-76-90

References:

1. Migration statistics. URL: https://www.mvd.gov.by/ru/page/departament-po-grazhdanstvu-i-migraci/migraciya/statistika-po-migracii (access date: March 27, 2024).

2. On the legal status of foreign citizens and stateless persons in the Republic of Belarus: Law of the Republic of Belarus dated January 4, 2010 No. 105-Z. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=H11000105 (date of access: April 19, 2024).

3. Zalitaylo I.V. Ethnonational diasporas and diaspora formations: essence and structure // Analytics of cultural studies. 2004. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnonatsionalnye-diaspory-i-diasporalnye-obrazovaniiya-suschnost-i-struktura (date of access: April 14, 2024).

4. Zlotnikov A.G., Manshin R.V. Diasporas of the Caucasian peoples in the Republic of Belarus // Demographic and migration portrait of the Caucasus / Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Center for Social Demography, MGIMO University; Ch. ed.: S. V. Ryazantsev. M., 2019. Pp. 115–124.

5. Safran U. Diasporas in modern societies: myths about the Motherland and return // Diaspora: a journal of transnational studies. 1991. T.1. No. 1. Pp. 83–99.

6. Forensics: manual / V. B. Shabanov [etc.]; edited by V. B. Shabanov, V. L. Grigorovich. Minsk: BSU, 2019. 551 p.

7. See for example: Porubov N.I. Scientific foundations of interrogation during the preliminary investigation. 3rd ed. lane and additional Minsk: Vysh. school, 1978. 176 p.; Porubov N.I., Porubov A.N. Interrogation: procedural and forensic aspects: monograph. M.: Yurlitinform, 2013. 304 p. and etc.

8. Methodology for investigating crimes committed on the basis of national or racial enmity or hatred / A. Ya. Vinnikov, N. M. Girenko, O. N. Korshunova, A. V. Leukhin, E. B. Serova; Under general ed. O. N. Korshunova. St. Petersburg, 2002. 92 p.

9. Seferbekov R.I. Modern funeral rites of citizens of Dagestan: syncretism of Islam, traditional beliefs and new customs // Islamic Studies. 2019. T. 10. No. 2 (40). pp. 76–90. DOI 10.21779/2077-8155-2019-10-2-76-90

УДК/UDC 342

Сущность системы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации

Хрящевская Татьяна Анатольевна
магистрант программы: Безопасность государственного управления и противодействие коррупции
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Москва, Россия

Каленский Павел Валерьевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматривается сущность системы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации. Под обеспечением национальной безопасности Российской Федерации понимается целенаправленная деятельность государственных и общественных институтов, а также граждан по выявлению, предупреждению угроз безопасности личности, общества и государства и противодействию им в качестве обязательного и непременного условия защиты национальных интересов России. В заключении формируется вывод, что обеспечение национальной безопасности — это сложный и многогранный процесс, требующий постоянного анализа, мониторинга и адаптации к изменяющимся условиям. Важно не только создать эффективную систему безопасности и гарантировать ее совершенствование для обеспечения стабильности и защиты интересов общества в целом, но и выстроить систему непрерывного контроля за процессом ее обеспечения

Ключевые слова: национальная безопасность, обеспечение национальное безопасности

The essence of the national security system in the Russian Federation

Hryashchevskaya Tatyana Anatolyevna
Master's student of the program: Public Administration Security and Anti-Corruption
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Kalensky Pavel Valerievich
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Legal Support of the State and Municipal Service
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract

The article examines the essence of the national security system in the Russian Federation. Ensuring the national security of the Russian Federation is understood as the purposeful activity of state and public institutions, as well as citizens, to identify, prevent and counter threats to the security of individuals, society and the state as a mandatory and indispensable condition for protecting Russia's national interests. In conclusion, it is concluded that ensuring national security is a complex and multifaceted process that requires constant analysis, monitoring and adaptation to changing conditions. It is important not only to create an effective security system

and guarantee its improvement to ensure stability and protect the interests of society as a whole, but also to build a system of continuous monitoring of the process of ensuring it
Keywords: national security, ensuring national security

Система обеспечения национальной безопасности (далее – СОНБ) является важным элементом функционирования государства, особенно в условиях современных вызовов и угроз. Российская Федерация не является исключением, и поэтому актуальность изучения этой темы остается высокой. В данной статье будут рассматриваться проблемы современного определения системы обеспечения безопасности в России, обращая внимание на основные принципы ее работы, механизмы формирования и координации действий различных органов и структур.

В современной действительности важными стали вопросы СОНБ в России. Глобализация проникает во все сферы международной жизни, что усилило противоречия между странами и уязвимость перед новыми угрозами. Эффективное противодействие современным угрозам — это ключ к сохранению суверенитета, целостности государства и стабильных международных связей. Национальная безопасность России стоит на переднем плане в современном политическом и экономическом контексте.

Так, национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего «государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности». Понятие «безопасность» в данном контексте можно толковать как «систему, составными элементами которой являются угрозы, интересы и факторы воздействия на них, а также методы обеспечения национальной безопасности». Кроме того, «Национальная безопасность России» закреплена законодательно как оборона национальных интересов от угроз изнутри и снаружи.

Под обеспечением национальной безопасности Российской Федерации понимается целенаправленная деятельность государственных и

общественных институтов, а также граждан по выявлению, предупреждению угроз безопасности личности, общества и государства и противодействию им в качестве обязательного и непременного условия защиты национальных интересов России. Здесь следует различать систему национальной безопасности и СОНБ. Первая представляет собой систему, которая отражает процессы взаимодействия интересов и угроз, в то время как вторая – система органов, сил, средств, различных организаций, общественных объединений, а также граждан, объединенных целями и задачами по защите жизненно важных интересов личности, общества и государства, которые осуществляют согласованную деятельность в рамках законодательства. В связи с этим основная задача СОНБ – защита национальных интересов: сохранение конституционных прав и свобод, мирное сосуществование и благополучие граждан, единство в стране, защиту суверенитета, независимости и целостности государства, а также социально-экономическое развитие от различного рода угроз. Нация рассматривается как устойчивая общность людей, проживающих на территории страны.

Для более точного понимания национальной безопасности следует рассмотреть основные внешние и внутренние угрозы национальной безопасности России, а также, каким образом следует обеспечить ее безопасность:

1) В международной арене Россия сталкивается с попытками других государств препятствовать ее укреплению. Эти угрозы проявляются не только в Европе, но и на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

2) В экономической сфере угрозы связаны с существенным сокращением в России внутреннего валового продукта, преобладает экспорт топливного сырья и импорт продовольственных товаров, включая предметы первой необходимости.

3) Обеспечение безопасности Российского государства в социальной сфере является крайне важным в контексте различных угроз, таких как

расслоение общества на богатых и малообеспеченных граждан, увеличение числа людей, живущих в нищете, рост безработицы. Кризисы в системах здравоохранения и социальной защиты населения, увеличение потребления алкоголя и наркотиков, значительное сокращение рождаемости и средней продолжительности жизни, деформация демографической и социальной структуры общества, истощение трудовых ресурсов и ослабление института семьи – все это представляет серьезные вызовы. Кроме того, снижение духовности и морального качества населения также угрожает стабильности и развитию страны.

4) В мире существуют новые угрозы для безопасности России, и они связаны с информационной сферой. Серьезная опасность заключается в стремлении ряда стран к господству в мировом информационном пространстве, а также в попытках вытеснить Россию с информационных рынков.

5) Открытая кампания против России развязана международным терроризмом, который представляет серьезную угрозу для национальной безопасности. Недостаточная материальная и правовая поддержка в борьбе с организованной преступностью и терроризмом, отток квалифицированных кадров из правоохранительных органов, а также отсутствие эффективной системы профилактики правонарушений способствуют усилению воздействия этой угрозы на общество, личность и государство. Так, инциденты терроризма продолжают происходить на территории России, представляя вызов для национальной безопасности: по данным статистики МВД РФ за 2023 год увеличилось количество преступлений террористического характера (+6,7%; всего: 2382), коррупционной направленности (+3,0%; всего: 36407), связанных с оборонно-промышленным комплексом (+4,6%; всего: 1 111) и с освоением или хищением бюджетных средств в рамках государственного заказа в сфере оборонно-промышленного комплекса (+27,9%; всего: 348), в сфере незаконного оборота наркотиков (+7,5%; всего 190 988).

6) Возрастают уровень и масштабы угроз в военной сфере. Несмотря на принимаемые меры, НАТО перешло к практическим военным действиям, нарастает возможность по созданию вооружения и военной техники нового поколения, а также активизируется деятельность иностранных спецслужб на территории Российской Федерации, созданы предпосылки коренного изменения форм и способов ведения военных действий.

7) Угроза ухудшения экологической ситуации в России существенно влияет на процесс обеспечения национальной безопасности. Эта угроза особенно актуальна из-за недостаточного развития законодательной базы в области охраны природы, преимущественного развития топливно-энергетических отраслей, ограниченного использования природосберегающих технологий и низкой экологической культуры в стране.

Одним из основных инструментов управления безопасностью является законодательство. Так, государство разрабатывает и принимает законы, которые регулируют различные аспекты безопасности, включая защиту от преступности, терроризма, кибератак и других угроз. Законы устанавливают правила и нормы поведения, а также предусматривают меры наказания для нарушителей. Правовую основу обеспечения безопасности в РФ закладывает Конституция Российской Федерации и Федеральный Закон «О безопасности». Кроме того, основополагающим документом в области безопасности государства является «Концепция национальной безопасности Российской Федерации». Так, Конституция Российской Федерации рассматривает разные стороны этой проблемы: правовую (юридическую) безопасности личности, имея в виду физическую безопасность (ст. 20-23), информационную (ст. 24, 29), экономическую (ст. 34, 35), безопасность государства (ч. 3 ст. 4; ч. 5 ст. 13; ч. 3 ст. 5; п. "м" ст. 71), безопасности общества (ч. 2 ст. 7); а также подчеркивает три основных элемента, являющихся основой национальной безопасности: безопасность личности, общества и государства.

Стоит отметить, что при регулировании вопросов обеспечения различных видов безопасности большое внимание уделяется закреплению соответствующих принципов. Так, установленные Законом Российской Федерации «О безопасности» от 5 марта 1992 года принципы обеспечения безопасности включают в себя: законность, соблюдение баланса между жизненно важными интересами личности, общества и государства, а также взаимную ответственность личности, общества и государства за обеспечение безопасности. В статье 2 этого закона подчеркивается необходимость защиты прав и свобод граждан, соблюдения законности, а также системного и комплексного подхода к обеспечению безопасности.

Однако новый закон о безопасности был преобразован таким образом, что основные принципы обеспечения безопасности теперь соответствуют конституционной системе и текущим потребностям. Эти существенные изменения стали результатом жесткой работы правительства и экспертов в области безопасности. И теперь основные принципы обеспечения безопасности в Российской Федерации изложены в Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности». Они относятся к обеспечению национальной безопасности, в силу ст. 1 Закона. Принимая во внимание, что государственная безопасность является важным элементом национальной безопасности, следует отметить, что указанные принципы также распространяются на нее.

В связи с чем, по моему мнению, законодателю необходимо расширить список принципов обеспечения безопасности страны, даже несмотря на их законодательное закрепление. Так, предлагается подчеркнуть важность принципов открытости (гласности) деятельности национальных органов безопасности и принцип превентивности. Реализация принципа гласности будет способствовать соблюдению закона, так как тайность деятельности таких ключевых учреждений, как прокуратура, полиция, ФСБ России, снижает доверие общества и оценку их деятельности. В то время как принцип превентивности является основой государственного управления

безопасностью, так как органы власти активно занимаются мониторингом и анализом ситуации в сфере безопасности, они сосредотачиваются на сборе информации о возможных угрозах, рисках и уязвимостях. Так, меры предупреждения, мониторинга и контроля включены в превентивные действия, проводятся исследования для принятия необходимых мер по обеспечению безопасности. А, так как современные технологии развиваются с большой скоростью, что создает новые возможности и угрозы в области безопасности, то государственное управление безопасностью должно быть готово к использованию новых технологий для обеспечения безопасности, таких как искусственный интеллект, аналитика данных и кибербезопасность. Использование этих технологий позволит более эффективно обнаруживать и предотвращать угрозы, а также улучшить анализ и прогнозирование ситуации в области безопасности.

Для обеспечения национальной безопасности государство взаимодействует через структуры законодательной, исполнительной и судебной власти. Так, субъектами системы обеспечения национальной безопасности являются государственные органы, организации, общественные объединения, а также граждане. Степень участия органов власти, перечисленных в ФЗ «О безопасности» в координации вопросов безопасности РФ, различна. Например, Министерство внутренних дел РФ, Федеральная служба безопасности РФ наделены специальными полномочиями по обеспечению безопасности, им разрешено иметь специальные силы и средства для решения этой задачи (ст. 12 Закона). В связи с этим субъекты СОНБ можно дифференцировать на четыре группы:

1) органы, основные функции которых связаны с управлением в области обеспечения национальной безопасности (Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации);

2) орган, специально созданный для обеспечения национальной безопасности (Совет Безопасности Российской Федерации);

3) комитеты палат Федерального Собрания Российской Федерации,

занимающиеся вопросами безопасности (комитеты по безопасности в Государственной Думе и по вопросам безопасности и обороны);

4) органы, задачи которых заключаются в выявлении и устранении внутренних и внешних угроз (органы законодательной, исполнительной, судебной властей).

Некоторые из них следует рассмотреть более подробно. Так, в соответствии с законом от 28.12.2010 года № 390-ФЗ «О безопасности», основным гарантом безопасности является Президент Российской Федерации. Его функции включают определение основных принципов государственной стратегии в области безопасности, утверждение стратегии национальной безопасности, а также других стратегических и доктринальных документов, касающихся обеспечения безопасности государства. Помимо этого, президент осуществляет полномочия по введению чрезвычайного положения на территории России или в отдельных ее областях в соответствии с Федеральным конституционным законом от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении». Глава государства, который контролирует все вооруженные силы и силовые ведомства, играет ключевую роль в разработке и реализации безопасности политики.

В то время как Правительство РФ обеспечивает выполнение целевых федеральных программ, планов и директив в области обеспечения безопасности, осуществляет меры по обеспечению сил и средств и органов государственной безопасности финансовыми и материальными ресурсами, координирует деятельность органов исполнительной власти субъектов Федерации в области обеспечения безопасности.

Совет Безопасности РФ, согласно статье 83 Конституции РФ, является органом консультативного характера, который занимается подготовкой решений Президента Российской Федерации по различным вопросам, включая вопросы обеспечения безопасности в оборонной, информационной, экономической, экологической и других сферах, прогнозирования и предотвращения межнациональных конфликтов, чрезвычайных ситуаций,

охраны здоровья населения, обеспечения законности и правопорядка.

А, в свою очередь, Федеральное собрание создает профильные комитеты, которые занимаются вопросами национальной безопасности. Так, согласно ч.3 ст. 101 Конституции РФ образованы комитеты по безопасности (Государственная Дума) и по вопросам безопасности и обороны (Совет Федерации).

Самыми многочисленными субъектами СОНБ являются федеральные органы исполнительной власти (ФОИВ), которые осуществляют реализацию законов, решений Президента и Правительства России в области национальной безопасности в пределах своей компетенции и разрабатывают нормативные правовые акты. К основным федеральным органам исполнительной власти, напрямую связанным с решением вопросов обеспечения национальной безопасности России, можно отнести: Министерство обороны, Министерство внутренних дел, Федеральную службу безопасности, Министерство по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Службу внешней разведки, Федеральную службу охраны, Министерство иностранных дел, Федеральную службу по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, Федеральную таможенную службу, Федеральную миграционную службу, Главное управление программ Президента Российской Федерации и др.

Федеральная служба безопасности активно участвует в борьбе с терроризмом и другими формами преступности, а также занимается разведкой и контрразведкой. Эта служба отвечает за экономическую и информационную безопасность страны, а также за защиту границ.

Важное место среди государственных органов занимает Прокуратура РФ, которая занимается координированием деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и одновременно осуществляет надзор за исполнением законов, прав и свобод человека органами государственной власти и местного самоуправления.

Немалую роль играют и судебные органы, которые обеспечивают защиту конституционного строя РФ, осуществляют правосудие по преступлениям, посягающим на безопасность в отношении личности, общества и государства.

Невозможно представить СОНБ и без такого важнейшего института гражданского общества, как местное самоуправление, его взаимоотношений и взаимосвязей с иными субъектами системы. Местное самоуправление представляет собой способность регламентировать часть государственных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, в соответствии со своей компетенцией и в интересах местного населения. В настоящее время органы местного самоуправления признаются самостоятельными субъектами СОНБ.

Кроме того, средствами обеспечения национальной безопасности являются технологии, технические программные, правовые средства, включая каналы, используемые в СОНБ для сбора, формирования, передачи и приема информации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению.

Говоря о об основных задачах обеспечения национальной безопасности, стоит упомянуть, что изменившаяся в последние годы внешнеполитическая ситуация и новые приоритеты обеспечения национальной безопасности поставили совершенно иные задачи перед Вооруженными Силами РФ. Теперь они могут быть разделены по четырем основным направлениям:

1. Сдерживание военных и военно-политических угроз безопасности или интересам Российской Федерации.

2. Обеспечение экономических и политических интересов Российской Федерации.

3. Осуществление силовых операций мирного времени.

4. Применение военной силы.

В целом, можно сказать, что недопустима такая ситуация, когда "силовая" составляющая государственных структур может представлять угрозу интересам личности и общества, что нарушает основной принцип их

баланса. Поэтому в настоящее время особенно актуальна проблема оптимизации государственного контроля над деятельностью органов, обеспечивающих национальную безопасность. Так, наилучшие гарантии системы безопасности – это создание таких условий экономического, социально-политического, нравственно-культурного развития общества, которые будут обеспечивать его процветание и стабильность, благополучие и моральный дух, максимум возможностей для деятельности и самовыражения каждой личности.

Проблема обеспечения безопасности является приоритетной для любого государства, в том числе и для России. Государственные органы и структуры играют важную роль в государственном управлении безопасностью. Они отвечают за разработку и реализацию политики и стратегии в области безопасности, а также за координацию деятельности различных организаций и учреждений, занимающихся обеспечением безопасности. Примерами таких органов могут быть Министерство внутренних дел, Министерство обороны, Служба безопасности и другие.

В нынешних условиях пересечения границ угрозы безопасности становятся все более глобальными и приобретают международный характер. Поэтому одной из перспектив развития государственного управления безопасностью является укрепление международного сотрудничества. Это включает обмен информацией, совместные операции и разработку общих стратегий для борьбы с транснациональными угрозами. Государственное управление безопасностью также должно учитывать не только политические и военные аспекты, но и социальные и экономические. Это означает, что необходимо обращать внимание на причины и факторы, которые могут способствовать возникновению угроз безопасности, таких как неравенство, бедность и социальная несправедливость. В данной ситуации, на мой взгляд, было бы целесообразным в Федеральном Законе от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ "О безопасности" сформулировать и законодательно закрепить определения угрозы и безопасности с точки зрения основ Конституции РФ, а также

выстроить систему контроля за обеспечением национальной безопасности.

Кроме того, важно подчеркнуть доминирование данного документа в юридической литературе, так как он должен охватывать все ключевые аспекты, связанные с обеспечением безопасности, включая понятийное определение и основные параметры. Он также должен обеспечивать связь с другими нормативными актами в области безопасности, как справедливо отмечено в работе Мигачева Ю. И. и Молчанова Н. А. (2014, с. 46–49).

Помимо этого, законодателю необходимо учесть современные угрозы общественной безопасности, сформулировать и законодательно закрепить такие принципы, как принцип гласности деятельности органов национальной безопасности и принцип превентивности, включающий в себя не только разработку и реализацию системы предупреждения, но и систему мониторинга и контроля.

В связи с этим, государство нуждается в систематизированном правовом закреплении соответствующих изменений, а именно: отразив, регулирование деятельности органов безопасности и определив права и обязанности граждан в области защиты государства, а также в создании эффективного механизма реализации принципов обеспечения национальной безопасности.

Также важным аспектом безопасности является взаимодействие с гражданами. Россия ставит перед собой задачу активизировать участие населения в противодействии угрозам безопасности. Для этого необходимо проведение различных мероприятий, направленных на информирование и обучение граждан правилам поведения в случае возникновения угрозы национальной безопасности.

Подводя итог всему вышесказанному, можно с уверенностью сказать, что обеспечение национальной безопасности — это сложный и многогранный процесс, требующий постоянного анализа, мониторинга и адаптации к изменяющимся условиям. Важно не только создать эффективную систему безопасности и гарантировать ее совершенствование для обеспечения стабильности и защиты интересов общества в целом, но и

выстроить систему непрерывного контроля за процессом ее обеспечения.

В заключение следует отметить, что СОНБ в Российской Федерации является сложной и многоуровневой структурой, основанной на комплексном взаимодействии органов власти и граждан. Ее эффективность зависит от оперативности и координации действий всех структур, а также от уровня информационной и технической оснащенности. Активное участие граждан и их ориентация на безопасность государства являются неотъемлемой частью успешной работы системы обеспечения национальной безопасности.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 26.02.2024).

2. Закон РФ от 5 марта 1992 г. N 2446-I «О безопасности» // Справочно-правовая система «ГАРАНТ». – URL: https://internet.garant.ru/ (дата обращения: 27.02.2024).

3. Федеральный закон «О безопасности» от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 1 // Справочно-правовая система «ГАРАНТ». – URL: https://internet.garant.ru/ (дата обращения: 27.02.2024).

4. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Справочно-правовая система «ГАРАНТ». – URL: https://internet.garant.ru/ (дата обращения: 19.02.2024).

5. Указ Президента РФ от 19.04.2017 N 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 год» // Собрание законодательства РФ. - 2017 г. - N 17 // Справочно-правовая система «ГАРАНТ». – URL: https://internet.garant.ru/ (дата обращения: 19.02.2024).

6. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение. // Вопр. экономики. 2009. № 12. С.4-13.

7. Дзлиев М. И. Проблемы безопасности: теоретико-методологические аспекты. М., 2012. С. 9.

8. Ловцов Д.А., Сергеев Н.А. Проблема обеспечения социально- экономической безопасности России // Обозреватель - Observer. 2013. № 5. С. 10.

9. Мигачев Ю.И., Молчанов Н.А. Правовые основы национальной безопасности (административные и информационные аспекты) // Административное право и процесс. 2014. № 1. С. 46–49.

10. Редкоус В.М. Особенности административно-правового обеспечения национальной безопасности в современных условиях // Закон и право. 2010. № 8.

11. Романовский Г.Б., Романовская О.В. Правоохранительные органы. Учебное пособие / Г.Б. Романовский, О.В. Романовская. — М. : ИД РИОР, 2009. 310 С.

12. Толстых В.В. Совет Безопасности Российской Федерации: правовые основы деятельности // Academy. 2018. №9 (36). – С. 8 – 14.

13. Чапчиков С.Ю. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ «О безопасности».

References:

1. The Constitution of the Russian Federation : [adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all–Russian vote on July 01, 2020] // Official

Internet portal of Legal Information. – URL: http://www.pravo.gov.ru (date of access: 02/26/2024).

2. The Law of the Russian Federation of March 5, 1992 N 2446-I "On security" // Legal reference system "GARANT". – URL: https://internet.garant.ru / (date of access: 02/27/2024).

3. The Federal Law "On Security" of December 28. 2010 No. 390-FZ // Federal Law of the Russian Federation. 2011. No. 1 // Legal reference system "GARANT". – URL: https://internet.garant.ru / (date of access: 02/27/2024).

4. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 N 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Legal reference system "GARANT". – URL: https://internet.garant.ru / (date of access: 02/19/2024).

5. Decree of the President of the Russian Federation dated 04/19/2017 No. 176 "On the Strategy of environmental safety of the Russian Federation for the period up to 2025" // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2017 - N 17 // Legal reference system "GARANT". – URL: https://internet.garant.ru / (date of reference: 02/19/2024).

6. Abalkin L.I. Economic security of Russia: threats and their reflection. // Vopr. economics. - 2009. - No. 12. - pp.4-13.

7. Dzliev M. I. Security problems: theoretical and methodological aspects. M., 2012. p. 9.

8. Lovtsov D.A., Sergeev N.A. The problem of ensuring socio-economic security of Russia // Obozrevatel - Observer. 2013. No. 5. P. 10.

9. Migachev Yu.I., Molchanov N.A. The legal foundations of national security (administrative and information aspects) // Administrative law and process. 2014. No. 1. pp. 46-49.

10. Redkous V.M. Features of administrative and legal provision of national security in modern conditions // Law and Law. 2010. № 8.

11. Romanovsky G.B., Romanovskaya O.V. Law enforcement agencies. Textbook / G.B. Romanovsky, O.V. Romanovskaya. — M. : ID RIOR, 2009. 310 P.

12. Tolstykh V.V. The Security Council of the Russian Federation: legal bases of activity // Academy. 2018. No. 9 (36). – pp. 8-14.

13. Chapchikov S.Yu. Comment to Federal Law No. 390–FL "On Security" dated December 28, 2010.

УДК/UDC 343.985

Тактика назначения комиссионных судебно-медицинских экспертиз в расследовании преступлений, совершаемых медицинскими работниками

Хакуринова Диана Аслановна
студентка магистратуры
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
e-mail: di.aslanovna@mail.ru

Эртель Людмила Александровна
доктор медицинских наук, профессор
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
e-mail: ELA1958@yandex.ru
SPIN-код: 4295-3168

Аннотация

В статье проанализированы аспекты процесса назначения комиссионной судебно-медицинской экспертизы на стадии предварительного расследования. Обозначены случаи установления причинно-следственных связей между ненадлежащим оказанием медицинской помощи и наступившим неблагоприятным исходом, требующих и не требующих специальных познаний для установления причинности. Исследован вопрос привлечения специалистов в комиссионную судебно-медицинскую экспертизу. Рассмотрен комплекс мероприятий, которые должен произвести следователь перед назначением судебной экспертизы. Указаны источники криминалистически значимой информации при расследовании данной категории дел. Изложены права следователя или представителя органа дознания при проведении комиссионной судебно-медицинской экспертизы. Рассмотрены тактические и психологические области взаимодействия следователя и судебно-медицинского эксперта, а также особенности постановки вопросов в экспертном задании.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, стадия предварительного расследования, следователь, комиссионная судебно-медицинской экспертиза, причинно-следственная связь, ненадлежащее оказание медицинской помощи, источники криминалистически значимой информации, тактическое и психологическое взаимодействие, формулировка вопросов эксперту.

Tactics of appointment of commission forensic examinations in the investigation of crimes committed by medical professionals

Khakurinova Diana Aslanovna
student in the master’s programme
Kuban State University
Krasnodar, Russia
e-mail: di.aslanovna@mail.ru

Ertel Lyudmila Aleksandrovna
Doctor of Medicine, professor
Kuban State University
Krasnodar, Russia
e-mail: ELA1958@yandex.ru
SPIN Code: 4295-3168

Abstract

The article analyzes aspects of the process of appointing a commission of forensic medical examination at the stage of preliminary investigation. Cases of establishing cause-and-effect relationships between improper provision of medical care and an unfavorable outcome are identified, both requiring and not requiring special knowledge to establish causation. The issue of attracting specialists to the commission forensic medical examination has been studied. A set of measures that an investigator must take before ordering a forensic examination is considered. The sources of forensically significant information in the investigation of this category of cases are indicated. The rights of the investigator or representative of the inquiry body when conducting a commission forensic medical examination are set out. The tactical and psychological areas of interaction between the investigator and the forensic expert, as well as the peculiarities of asking questions in an expert task, are considered.

Keywords: forensic tactics, the stage of preliminary investigation, the investigator, commission forensic medical examination, causation, improper provision of medical care, sources of criminally significant information, tactical and psychological interaction, formulation of questions to the expert.

В уголовном судопроизводстве при решении вопросов, касающихся ошибочной диагностики и лечения, судебно-следственным органам необходимо установить причинную связь между действиями врачей и возникшими осложнениями. На стадии предварительного расследования следователь или дознаватель выносит постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы в тех случаях, когда для разрешения поставленных вопросов требуется применение специальных знаний. Определение причинно-следственных связей может не требовать специальных знаний, и тогда оно осуществляется непосредственно следователем и судом. Если же специальные знания необходимы, для установления причинности назначается судебная экспертиза [1].

Назначение комиссионной судебно-медицинской экспертизы в расследовании преступлений, совершаемых медицинскими работниками, обусловлено невозможностью решения задач экспертизы с использованием знаний специалиста одной медицинской специальности. В таких случаях привлекают консультантов — специалистов лечебного и профилактического профиля (например, акушеров-гинекологов, неонатологов, хирургов различного профиля, анестезиологов-реаниматологов, эндокринологов), которые помогают установить причинно-следственную связь между оказанной специализированной медицинской помощью и наступившими

последствиями.

Перед оформлением постановления о назначении комиссионной судебно-медицинской экспертизы следователь должен определиться с целью проведения данной экспертизы, а также выявить круг вопросов, требующих применения специальных медицинских знаний.

Для того чтобы оформить мотивированное постановление о назначении указанной судебной экспертизы, следователь должен составить перечень документов и вещественных доказательств, предстоящих изъять в ходе следственных действий для предоставления на судебную экспертизу [2]. К материалам уголовного дела приобщаются все изъятые медицинские документы и вещественные доказательства. Особую сложность представляет процесс отбора для изъятия медицинской документации, которую впоследствии необходимо предоставить для исследования на экспертизу [3].

На экспертное исследование предоставляются оригиналы медицинских документов. Среди них: медицинская карта стационарного больного; медицинская карта амбулаторного больного; полный текст протокола патологоанатомического исследования трупа в случае наступления смертельного исхода; парафиновые блоки и стекла с препаратами трупного материала; заключения инструментальных исследований. В каждом конкретном случае перечень может варьироваться, например при расследовании ненадлежащего оказания медицинской помощи по акушерству и гинекологии предоставляются индивидуальная медицинская карта беременной и родильницы, карта пациента гинекологического профиля, карта пациента дневного стационара акушерско-гинекологического профиля, медицинская карта беременной, роженицы и родильницы, получающей медицинскую помощь в стационаре, и т. д. В случае ненадлежащего оказания скорой медицинской помощи предоставляется карта вызова скорой медицинской помощи.

На практике встречаются случаи, когда медицинская документация отсутствует по разным причинам (пожар, наводнение, аварии в архиве и т.

д.), включая случаи утраты или уничтожения медицинской документации. Возможно и истечение срока хранения бумажного документа. Следователь должен предпринять меры к установлению местонахождения определенной документации, изъятию и приобщению к материалам уголовного дела. При невозможности предоставления медицинской документации по указанным выше причинам, следователю необходимо оформить письменное сообщение о причинах отсутствия той или иной медицинской документации и приложить данный документ в перечень материалов и вещественных доказательств, направляемых для исследования.

Следует обратить внимание на тот факт, что экспертом исследуется только те материалы, которые обнаруживаются, изымаются и предоставляются в распоряжение экспертной комиссии. В связи с этим мы согласны с утверждением А. Ф. Волынского и И. В. Тишутиной о том, что эффективность судебных экспертиз по уголовным делам непосредственно зависит от результативности поисково-познавательной деятельности специалистов [4].

Источниками криминалистически значимой информации при расследовании данной категории дел являются материалы служебных проверок по случаю ненадлежащего оказания медицинской помощи, которые необходимо будет оценить и проверить в ходе расследования в совокупности с другими полученными данными, а также предоставить их для судебно-экспертного исследования [5]. Также на экспертное исследование направляются: заключения экспертиз качества медицинской помощи, выполненные страховой медицинской организацией; заключения комиссии по качеству той медицинской организации, в которой произошел инцидент; решения комиссии Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения (далее по тексту — Росздравнадзор) по случаю ненадлежащего оказания медицинской помощи.

Ценную информацию для оценки вопроса ненадлежащего оказания медицинской помощи лица, проводящие комиссионную судебно-

медицинскую экспертизу, могут получить из содержания допросов и пояснений медицинских работников, участвовавших в оказании медицинской помощи. В связи с этим следователю предстоит предоставить для исследования ксерокопии протоколов допросов и объяснений для уточнения и проверки версий и обстоятельств медицинского инцидента. Данные протоколы включают: информацию о жалобах пациентов; истории заболевания; данные об общем состоянии пациента; результаты лабораторных и инструментальных исследований; перечни применяемых видов лечения; наименования и дозировку лекарственных препаратов; особенности оперативных приемов при хирургическом вмешательстве. Также в текстах отражаются сведения о предполагаемых дефектах оказания медицинской помощи, а также о причинно-следственной связи действий медицинских работников с наступившими последствиями. Если не будут предоставлены необходимые данные, экспертное учреждение подаст ходатайство об их предоставлении или проведении допросов, если таковые не были проведены [6].

Все объекты, отобранные для экспертного исследования, должны отвечать принципам относимости, допустимости, достоверности, а также достаточности для проведения экспертного исследования. Мы полностью поддерживаем позицию Д. А. Сорокотягиной, которая считает, что экспертному исследованию могут быть подвергнуты только надлежащим образом процессуально оформленные объекты. При существенных нарушениях заключение эксперта теряет доказательственную силу [7].

Следует выделить, что следователь или представители органа дознания имеют право присутствовать при проведении судебно-медицинской экспертизы. В свою очередь, эксперт с разрешения следователя может присутствовать при проведении следственных действий, в т. ч. допросов, осмотров места происшествия, следственных экспериментов, что поможет специалисту получить более точные сведения и собрать материалы для проведения полного исследования и дачи заключения.

Успешному расследованию уголовных дел способствуют тактические и психологические области взаимодействия следователя и судебно-медицинского эксперта [8]. Так, А. П. Когосов отмечает, что при объединении усилий повышается уровень предварительного следствия и эффективность борьбы с преступлениями [9]. Наиболее передовой формой коммуникации следователя и иных участников уголовного судопроизводства (например, оперативных работников уголовного розыска) является следственно-оперативная группа, в которой присутствует разделение ролей, а следователь выступает в качестве руководителя, контролирующего лица [10].

Вопросы при назначении комиссионной судебно-медицинской экспертизы должны быть сформулированы в соответствии со ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающих уголовную ответственность медицинских работников при ненадлежащем оказании медицинской помощи.

Применительно к рассматриваемым преступлениям для установления причинно-следственной связи в экспертном задании формулируются вопросы в соответствии с групповой классификацией, введенной Р. С. Белкиным [11]. Однако К. А. Саранцев в своем диссертационном исследовании указывает, что с использованием специальных знаний круг этих вопросов возможно обозначить в полном объеме [12].

Критериями правильно сформулированных вопросов являются:

1) обязательная необходимость в специальных медицинских знаниях;

2) логическая корректность и последовательность, заключающаяся в постановке основных, а затем второстепенных вопросов;

3) отсутствие правовых компонентов о виновности, невиновности, составе преступления;

4) краткость и ясность формулировок с обязательным акцентом на конкретную клиническую ситуацию;

5) отражение этапности оказания медицинской помощи [13].

В случае проведения комиссионных экспертиз в случае наступления смерти пациента формулируются основные вопросы:

1. Какова причина смерти?

2. Соответствует ли качество оказания квалифицированной медицинской помощи пациенту порядкам, стандартам и клиническим рекомендациям, подходящим данному заболеванию?

3. Имеется ли прямая причинно-следственная связь между оказанием (или ненадлежащим оказанием) медицинской помощи пациенту и наступлением его смерти?

Для того чтобы ответить на поставленные вопросы, следователь должен предоставить в пакете документов для судебной экспертизы протокол патологоанатомического исследования. В противном случае при проведении судебной экспертизы невозможно подтвердить патологоанатомический диагноз, а следовательно, причину смерти и соответствие клинического и патологоанатомического диагноза [14].

Следователю необходимо помнить, что к компетенции судебно-медицинского эксперта не относятся вопросы о материально-технических возможностях медицинских организаций, их укомплектованности персоналом. А возможности клинического специалиста в рамках диагностики, лечения, реабилитации пациента или его заболевания находятся в компетенции аттестационной комиссии.

Вопросы о качестве и безопасности медицинской помощи являются компетенцией администрации медицинской организации, Федерального Фонда медицинского страхования и его территориальных фондов, Росздравнадзора.

Подводя итог, отметим, что качество судебно-медицинских экспертиз по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи, сроки их исполнения, эффективность экспертных выводов зависят не только от судебно-медицинского эксперта, но и от следователя, назначившего

экспертизу [15]. От того, насколько тщательно и обоснованно будут проведены действия следователя, зависит как срок выполнения экспертизы, так и ее качество.

Список литературы:

1. Хрусталева Ю. А. К вопросу об установлении ненадлежащего оказания медицинской помощи и причинной связи его с неблагоприятным исходом // Досудебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками: материалы международной научно-практической конференции / Под общей редакцией А. М. Багмета. 2018. С. 154–157.
2. Зиненко Ю. В., Рублева Т. Ю., Лисихина Н. В. Назначение и организация производства комиссионных судебно-медицинских экспертиз: методические рекомендации. Красноярск, 2022.
3. Хазизулин В. Б. Особенности первоначального этапа расследования преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 4 (30). С. 145–151.
4. Волынский А. Ф., Тишутина И. В. Судебная экспертиза в системе научно-технического обеспечения поисково-познавательной деятельности при расследовании преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 4–2. С. 9–17.
5. Трофименко А. М. Ведомственная проверка качества оказания медицинской помощи в учреждении здравоохранения и ее значение на первоначальном этапе расследования ятрогенных преступлений // В сборнике: Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика. Материалы научно-практической конференции с международным участием, посвященной 50-летию со дня образования кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета. Минск, 2023. С. 290–294.
6. Калинин Р. Э. Анализ показаний медицинских работников при проведении экспертиз по «врачебным делам» // Судебная медицина. 2019. Т. 5. № 51. С. 110–111.
7. Сорокотягина Д. А. Судебная экспертиза: учебное пособие / под ред. Д. А. Сорокотягиной, И. Н. Сорокотягина. М.: Юрайт, 2024. 288 с.
8. Меденцов А. А., Ручкин В. А., Захарья И. Т. Организационные и тактические аспекты взаимодействия следователя и эксперта при назначении и производстве судебно-медицинской экспертизы // Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 2. С. 82–89.
9. Когосов А. П. Некоторые актуальные вопросы экспертной деятельности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 19. № 2. С. 103–107.
10. Заславский Г. И. О присутствии участников процесса при производстве судебно-медицинской экспертизы по уголовным делам // Эксперт-криминалист. 2012. № 3. С. 34–38.
11. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов. М.: Закон и право, 2001. 313 с.
12. Саранцев К. А. Особенности расследования преступлений ненадлежащего оказания медицинской помощи: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. / Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина. М., 2009. 22 с.
13. Спиридонов В. А. Проблемы формулировки вопросов при назначении комиссионных судебно-медицинских экспертиз неблагоприятных исходов оказания медицинской помощи // Судебная медицина. 2019. Т. 5. № 1. С. 109.
14. Навальнева К. В., Левицкая Т. Ю. Проблемы при проведении комиссионных судебно-медицинских экспертиз по медицинским документам с предоставлением

протоколов патологоанатомических вскрытий / Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы: сборник трудов конференции. Хабаровск, 2021. С. 109–114.

15. Сергеева О. С. Использование специальных познаний в процессе доказывания по уголовному делу: условия эффективности // Российский следователь. 2017. № 18. С. 40–44.

References:

1. Khrustaleva Yu. A. On the issue of establishing improper provision of medical care and its causal connection with an unfavorable outcome // Pre-trial proceedings in criminal cases of professional crimes committed by medical workers: materials of the international scientific and practical conference / Under the general editorship of A. M. Bagmeta. 2018. Pp. 154–157.

2. Zinenko Yu. V., Rubleva T. Yu., Lisikhina N. V. Purpose and organization of commission forensic medical examinations: methodological recommendations. Krasnoyarsk, 2022.

3. Khazizulin V. B. Features of the initial stage of investigation of crimes committed during the provision of medical care // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2021. No. 4 (30). Pp. 145–151.

4. Volynskiy A. F., Tishutina I. V. Forensic examination in the system of scientific and technical support of search and cognitive activities in the investigation of crimes // News of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2018. No. 4–2. Pp. 9–17.

5. Trofimenko A. M. Departmental verification of the quality of medical care in a healthcare institution and its importance at the initial stage of the investigation of iatrogenic crimes // In the collection: Conceptual foundations of modern criminology: theory and practice. Materials of a scientific and practical conference with international participation, dedicated to the 50th anniversary of the formation of the Department of Criminalistics of the Faculty of Law of the Belarusian State University. Minsk, 2023. Pp. 290–294.

6. Kalinin R. E. Analysis of the testimony of medical workers during examinations in “medical cases” // Forensic medicine. 2019. Vol. 5. No. 51. Pp. 110–111.

7. Sorokotyagina D. A. Forensic examination: textbook / ed. D. A. Sorokotyagina, I. N. Sorokotyagina. M.: Yurayt, 2024. 288 p.

8. Medentsov A. A., Ruchkin V. A., Zakharya I. T. Organizational and tactical aspects of interaction between the investigator and the expert in the appointment and production of forensic medical examination // Legal paradigm. 2021. T. 20. No. 2. Pp. 82–89.

9. Kogosov A. P. Some current issues of expert activity // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2019. T. 19. No. 2. Pp. 103–107.

10. Zaslavskiy G. I. On the presence of participants in the process during a forensic medical examination in criminal cases // Forensic expert. 2012. No. 3. pp. 34–38.

11. Belkin R. S. Forensics course: textbook for universities. M.: Law and Law, 2001. 313 p.

12. Sarantsev K. A. Features of the investigation of crimes of improper provision of medical care: abstract. dis. ...cand. legal Sci. / Moscow State Law University named after O. E. Kutafina. M., 2009. 22 p.

13. Spiridonov V. A. Problems of formulating questions when appointing commission forensic medical examinations of unfavorable outcomes of medical care // Forensic Medicine. 2019. T. 5. No. 1. P. 109.

14. Navalneva K. V., Levitskaya T. Yu. Problems in conducting commission forensic medical examinations of medical documents with the provision of pathological autopsy reports / Selected issues of forensic medical examination: collection of conference proceedings. Khabarovsk, 2021. Pp. 109–114.

15. Sergeyeva O. S. The use of special knowledge in the process of proof in a criminal case: conditions for effectiveness // Russian investigator. 2017. No. 18. Pp. 40–44.

УДК/UDC 351.74:159.923

Создание социально-психологического портрета подозреваемого как одна из подзадач аналитической работы в сфере оперативно-розыскной деятельности

Яковец Евгений Николаевич
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Российская таможенная академия
г. Люберцы, Московская область, Россия
e-mail: koshka997@mail.ru
SPIN-код: 8190-5220
AuthorID: 524115

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с созданием и использованием в оперативно-розыскной деятельности социально-психологического портрета подозреваемого. Даётся характеристика криминалистическим методикам и оперативно-розыскным мерам, применяемым для его составления. Особое внимание обращается на то обстоятельство, что создаётся этот портрет на базе диагностических и прогностических методов, а применяется в ходе осуществления оперативно-розыскного мероприятия «отождествление личности», которое носит идентификационный характер.

Ключевые слова: социально-психологический портрет; криминалистическая диагностика; криминалистическое прогнозирование; отождествление личности; оперативно-розыскная деятельность.

Creating a socio-psychological portrait of a suspect as one of the subtasks of analytical work in the field of operational investigative activities

Yakovets Evgeny Nikolaevich
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines
Russian Customs Academy
Lyubertsy, Moscow region, Russia
e-mail: koshka997@mail.ru
SPIN code: 8190-5220
AuthorID: 524115

Abstract

The article discusses issues related to the creation and use of a socio-psychological portrait of a suspect in operational investigative activities. The characteristics of the forensic techniques and operational investigative measures used to compile it are given. Special attention is paid to the fact that this portrait is created on the basis of diagnostic and prognostic methods, and is used during the implementation of the operational search event "identification of personality", which is of an identification nature.

Keywords: socio-psychological portrait; forensic diagnostics; forensic forecasting; identification of personality; operational investigative activities.

Большинство специалистов полагают, что идея составления социально-психологического портрета (СПП) человека принадлежит американскому врачу-психиатру Д. Брасселу, который в 1957 г. дал весьма точное описание разыскиваемого неизвестного преступника. В дальнейшем этот метод

получил широкое распространение и в 1970-х гг. начал использоваться полицией США. Однако, истинным родоначальником этого метода, по всему судя, является итальянский криминалист С. Оттоленги, который в конце XIX в. расширил предложенный А. Бертильоном словесный портрет, инициировав регистрацию «произвольных и непроизвольных видов движений», а также «психических примет» преступников [15, с. 71].

Создание социально-психологического портрета весьма актуально для установления лиц, подозреваемых в совершении многоэпизодных неочевидных преступлений, оперативного распознания террористов, мошенников, контрабандистов и иного уголовно-преступного элемента. СПП подозреваемого наряду с его словесным и синтетическим портретами следует рассматривать в качестве описания, относящегося к категории субъективных отображений признаков объектов, по которым возможно осуществить их отождествление, но только непроцессуальным путём.

Специалисты вполне обоснованно отмечают, что в процессе использования СПП прежде всего принимается в расчёт идентификационный фактор. Опираясь на существование общей и внутренней деятельности макроструктуры [13, с 50–60], в данном случае можно вести речь о материальной среде в виде «комплексного, личностно-регуляционного следа», заключающего сделанные человеком выборы по каждому элементу деятельности. Причём, данный «след» становится не менее пригодным для идентификации личности преступника, чем след его пальца [2, с. 45].

Один из американских учёных Р.К. Росслер определил психологический профиль человека «как процесс идентификации всех психологических характеристик индивидуума, составляющий общее описание личности, основанный на анализе преступлений, совершённых им». Другими словами, создание СПП подозреваемого на основании следов и обстоятельств совершённых им преступных деяний не только вероятно, но и вполне возможно. Вместе с тем сам процесс его создания, безусловно, носит диагностический характер. Он основывается, главным образом, на интуиции

и опыте специалистов, анализирующих, психологические качества устанавливаемого злоумышленника через цепь фактов и явлений, связанных с событиями совершаемых им преступлений. Анализу подвергаются различного рода отображения признаков таких объектов, как физические лица, предметы, вещества, трупы людей, события, явления, психические акты человека и др.

А.Ю. Лаговской и его коллеги отмечают, что в основе создания СПП лежит определение психологического (субъективного, личностного) значения некоторых элементов криминалистической характеристики преступлений, которое опирается на установление вероятностных отношений между криминалистическими параметрами, характеризующими место, время, способ, орудие преступления, виновного и потерпевшего, и значимыми для розыска характеристиками преступника – антропологическими, биологическими, психологическими, социально-демографическими и другими факторами [9, с. 5–6, 36].

Весьма близка к этой точке зрения и позиция автора данной статьи, солидаризирующегося с профессором Ю.Г. Коруховым, который рассматривал процесс создания СПП подозреваемого в качестве решения такой диагностической подзадачи, как *установление свойств и состояния материальных объектов,* реализуемой в ходе анализа их отображений, в соответствии с известной классификацией экспертных диагностических задач.

Исследованиям в этом случае подвергается либо сам объект, на котором выявлены те или иные следы преступления, либо, что встречается гораздо чаще, – его отображения, в качестве которых могут рассматриваться соответствующие следы, реквизиты документов, фотоснимки, слепки, локомоционные признаки, а также материалы уголовных дел [7, с. 84 –85, 187, 193].

Наиболее широкое распространение получило диагностическое исследование *визуальных изображений.* В качестве изображений,

используемых для установления свойств и состояния тех или иных объектов, аналитиками рассматриваются получаемые из различных источников *фото-, кино-, видео- аудио- и цифровые изображения* и т.д. Применяемые в ходе этих исследований габитоскопические методы являются наиболее разработанными как в криминалистике, так и в оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

Определённую сложность представляет использование для создания СПП *аудиоизображений* (звукозаписей). По мнению профессора Е.И. Галяшиной, зафиксированная на материальном носителе звучащая речь и связанные с нею иные объекты (технические средства аудиозаписи, устройства съёма и трансляции звука и т.д.) могут выступать в качестве орудия, средства или способа совершения преступления, сохранять на себе его следы, содержать сведения о фактических данных, имеющих значение доказательств, являться средством для обнаружения преступления и установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Диагностические исследования в данном случае осуществляются на основе применения интегрированного комплекса специальных познаний о природе и свойствах звука, его источнике, процессе трансмиссии и фиксации, о материалах, устройствах и способах звукозаписи, а также способах и методах их исследования. В их проведении, как правило, участвуют два эксперта с базовым филологическим и техническим образованием. Они проводят комплексное исследование одних и тех же объектов в целях решения одного и того же вопроса на основе совокупности признаков, получаемых при помощи разных методов (акустического и лингвистического) [5, с. 5–28].

Ряд криминалистов при решении диагностической задачи, связанной с установлением свойств и состояния объектов, упускают из вида *признаки их разделённых частей.* Такая позиция вполне понятна: в экспертно-криминалистической практике обычно решается *идентификационная* задача установления единого целого по частям объектов, обнаруженным в ходе осмотра места происшествия или изъятым у подозреваемых лиц. Однако со

всей очевидностью можно утверждать, что признаки разделённых частей объектов несут в себе не только идентификационную, но и чисто диагностическую информацию применительно к решению задачи, связанной с установлением свойств и состояния материальных объектов по их отображениям.

Аналогичные выводы касаются также сложных предметов (комплектов), зданий, сооружений, участков местности, рассматриваемых профессором Т.А. Седовой в качестве целостной системы объектов, объединённых совместным существованием в одинаковых условиях внешней среды, производственным функционированием, целевым назначением и т.д. [8, с. 91]. Чтобы убедиться в этом, достаточно оценить формулировку следующих вопросов:

- определить тип взрывного устройства, по его фрагментам, обнаруженным на месте происшествия, а также профессиональные знания лиц, участвовавших в его создании;

- установить степень прочности здания и квалификацию строителей на основе исследования фрагментов разрушенных стеновых конструкций;

- установить причину смерти человека, расчленённые части тела которого представлены на исследование. Выяснить, не обладал ли подозреваемый, расчленивший труп, специальными познаниями в области медицины, и др.

Как видно из этих примеров, оценка свойств и состояния различных объектов косвенным образом может экстраполироваться на состояние и поведенческие признаки непосредственно связанных с ними физических лиц, что крайне важно для создания психологического портрета.

Помимо разделённых частей в качестве отображений при установлении первоначальных свойств и состояния материальных объектов может также фигурировать внутреннее строение различного рода *изотропных и анизотропных веществ* [11, с. 554]. Это могут быть определённые объёмы (масса) веществ [8, с. 91], следы-вещества [1, с. 24] (обычно следы

периферические, следы наложений) или микрочастицы [8, с. 173].

Во всех этих случаях в ходе диагностических исследований перед специалистами также могут быть поставлены вопросы, позволяющие установить косвенные связи между предметами и физическими лицами, имеющими к ним отношение. Например, применительно к медико-криминалистическим исследованиям вещественных доказательств, имеющих следы крови, существенными будут являться следующие вопросы: «Какова группа крови человека, следы которой обнаружены на месте происшествия?» «Возможно ли на основе выявленных следов крови установить ДНК-код физического лица?» И т.д.

Рассматривая криминалистические методики установления свойств и состояния материальных объектов по их отображениям, Ю.Г. Корухов отмечал в своё время следующее: «Гипотеза решения задачи установления объекта по следу может строиться и как реконструктивная (индуктивное обобщение признаков следа, позволяющее воссоздать образ объекта, оставившего след), и как перенесенческая (когда задача воссоздания образа объекта упрощается за счёт специфичности отображения и его признаков). Например, оттиск печати, след отжима, оставленный инструментом характерной формы» [7, с. 188].

Для диагностического анализа в ходе создания психологического портрета большое значение имеют также *следы механического происхождения,* которые могут иметь статический и динамический характер [12, с. 69]. Статические следы по характеру отображаемых индивидуальных особенностей небезосновательно считаются более информативными по сравнению с динамическими [3, с. 60]. В ходе исследования следов, возникающих вследствие механического воздействия, к примеру, по характеру механических повреждений одежды может быть сделан вывод о том, каким свойствами обладает орудие преступления – является ли оно режущим или колющим. По признакам тормозного следа автомашины можно определить, в исправном или неисправном состоянии находится тормозная

система автомобиля. По индивидуальным особенностям штрихов можно определить, нанесён ли рукописный текст пером или шариковой ручкой, т.д.

Наряду с установлением состояния рассмотренных объектов по отображениям их статических признаков, первостепенное значение для создания психологического портрета имеет также диагностирование *состояния физических лиц по их динамическим признакам.* Профессор Р.С. Белкин называл информацию о таких признаках «операционной» и отмечал, что её сущность составляют сведения «о действиях субъекта следообразования, проявляющихся в них навыках, последовательности выполнения операций связи между операциями и используемыми средствами» [4, с. 53]. В отличие от оперативного распознания, когда эти навыки воспринимаются и анализируются в процессе *непосредственного эмпирического восприятия* самого диагностируемого объекта, в данном случае оцениваются *ретроспективные отображения* его динамических признаков. В рассматриваемом аспекте особого внимания заслуживают локомоционные, устно-речевые, профессиональные и иные навыки физических лиц, фиксируемые в виде дорожки следов, почерка, результатов трудовой деятельности, обстановки места происшествия и т.д.

В процессе установления свойств и состояния материальных объектов по их отображениям физическое лицо остаётся как бы «за скобками», а на первый план выходят те следы и результаты деятельности последнего, которые находят отражение в окружающем его пространстве. Ещё раз следует отметить, что все исследования в этой области носят ретроспективный характер.

По мнению профессора Г.А. Самойлова, «природа материально фиксирующихся свойств личности человека, совершившего преступление, может быть выяснена полностью только лишь на основе научного понимания личности вообще и в частности на основе познания соматических (телесных), психических, отдельных социальных её свойств и тех общих закономерностей, которые определяют особенности отображений этих

свойств в материальных следах преступления». Выводы, получаемые в ходе криминалистических исследований состояния физических лиц по отображениям их динамических признаков, носят зачастую предположительный, вероятностный характер и не могут «в чистом виде» использоваться в уголовном процессе. В связи с этим сферой использования соответствующей аналитической информации является исключительно ОРД.

Во всех рассматриваемых случаях, связанных с изучением отображений динамических признаков физических лиц, речь следует вести о диагностической направленности проводимых исследований. Эта стадия может иметь самостоятельное значение, а также являться первоначальной стадией идентификации, связанной с установлением групповой принадлежности либо индивидуального тождества (различия) объектов в ходе создания социально-психологического портрета. Данное обстоятельство свидетельствует о неразрывности диагностического и идентификационного элементов рассматриваемого направления деятельности. Это касается, в частности, и отображений локомоционных признаков. Использование соответствующих методик, основанных на анализе данных о параметрах и рисунке движений нижних конечностей человека, позволяет определить его пол, рост и возраст. Представляется также возможным выдвинуть предположение о наличии определённых отклонений от нормы физического состоянии человека (чрезмерная тучность, недомогание, переутомление, беременность, сильное опьянение, наличие хромоты) [14, с. 3, 47–51]. Кроме того, изучение «дорожки следов» позволяет установить направление и характер движения человека, её оставившего (шёл спокойным шагом, бежал, останавливался и т.д., нёс ли груз и на каком плече и т.п.) [3, с. 74], а также судить об особенностях обуви (её вид, фасон, размер, соответствие обуви размеру ступни, степень и характер износа и т.д. [8, с. 150–151].

Одним из наиболее типичных и хорошо изученных отображений динамических признаков физических лиц являются *навыки письменной речи (почерк)*. По определению Г.А. Самойлова, «почерк – это материально

фиксированное отображение соответствующих навыковых свойств личности пишущего, которое возникает благодаря самофиксирующим автоматизированным движениям руки» [14, с. 68, 91–92]. При проведении диагностических исследований письменной речи можно определить, в какой среде следует искать неизвестного автора, каковы его возраст, профессия, информированность о фактах, известных определённому кругу лиц и т.д. [8, с. 204–205]. В ходе проведения исследований почерка можно, например, получить ответы на следующие вопросы:

- Мужчиной или женщиной выполнен рукописный текст?
- Какой рукой (левой или правой) писал устанавливаемый?
- Какова грамотность лица, исполнившего рукопись?
- Не выполнен ли рукописный текс в состоянии опьянения? И др. [16, с. 14].

Кроме того, в ходе подобных исследований могут диагностироваться различного рода расстройства навыков письменной речи, наступающие после некоторых заболеваний организма. Вполне вероятно также выявление характерных особенностей, привносимых в навыки письменной речи стереотипами иностранных языков и диалектов в части, касающейся орфографии, синтаксиса и др. Это призвано способствовать установлению региона, в котором автор исследуемого текста воспитывался или длительный период проживал.

Ещё одной категорией отображений динамических признаков физических лиц, имеющей диагностическое значение при создании СПП, являются материально фиксированные в продуктах труда свойства *профессиональных навыков и умений человека.* В ходе применения соответствующих диагностических методик иногда становится возможным установить профессиональную группу, к которой он относится, последовательность операций, способы и методы их осуществления, набор использовавшихся инструментов и т.д.

По мнению Г.А. Самойлова, профессиональные навыки заключают в

себе определённую совокупность свойств личности человека и при систематической практике они обретают способность прочно закрепляться как некая, присущая ему, качественная определённость. В силу ряда причин эти навыки могут деавтоматизироваться, ослабнуть, но при возобновлении прежних условий они вновь полностью восстанавливаются.

Как отмечает тот же автор, в трудовой деятельности врачей, художников, чертёжников, лётчиков, водителей автомашин, машинистов поездов и т.д. отсутствуют предметы и продукты труда в том понимании, которое свойственно промышленному или кустарному производству. Тем не менее, прилагаемые ими трудовые усилия, направленные на специфические материальные объекты, всё же обеспечивают фиксацию характерных особенностей их профессиональных навыков, отображаемых в конечных результатах труда.

Наряду с этим большое значение для составления СПП имеют навыки преступных деяний, которые нередко вырабатываются у злоумышленников. В конечном итоге эти навыки способствуют формированию *способа совершения преступления* (Modus operandi). Г.А. Самойлов вполне обоснованно включает в это понятие помимо устойчивых навыков и умений, используемых при совершении преступления, следующие элементы: «совершение преступления с угрозой применения оружия, группой, в одиночку, с помощью шантажа, нападения в определённых местах, путём хищения материальных ценностей из мест их хранения, разрушения или взлома преград и иных способов проникновения в различные хранилища, с применением различных технических средств и т.п. В понятие способа осуществления преступных деяний входят также и объекты преступного посягательства, время, избираемое злоумышленником для совершения преступлений, его приметы, использование им профессиональных навыков и т.д.» [14, с. 85, 87, 94–99, 107–108]. Безусловно, все эти моменты имеют важное значение для создания СПП и должны подвергаться комплексному анализу.

Следует подчеркнуть, что создание социально-психологического портрета подозреваемого как, впрочем, и классификация иных объектов по их отображениям, не вписываются в систематизацию диагностических задач, разработанную Ю.Г. Коруховым, поскольку он относит их к категории классификационных, а не диагностических [7, с. 19–20]. Вместе с тем, классификационной по своей сути является и самая первая подзадача в теории Ю.Г. Корухова – «исследование свойств и признаков объекта, в том числе для установления его соответствия определённым характеристикам, заданным заранее». В этой связи напрашивается вопрос без ответа: почему отнесение объекта к определённому классу, группе, проводимое на основании его визуального изучения называется диагностикой, а такие же исследования по их отображениям – классификацией? Видимо, заметив это противоречие в классификации диагностических подзадач Ю.Г. Корухова, профессор О.Я. Баев предложил следующий компромиссный вариант. Он объединил классификацию как самих объектов исследования, так и их отображений, в одну диагностическую подзадачу – «отнесение исследуемого объекта к определённому классу, виду, группе». Кстати, этот автор абсолютно прав, отмечая, что создание социально-психологического портрета имеет сугубо диагностический характер, причём исключительной сферой его использования является не уголовно-процессуальная, а оперативно-розыскная деятельность [3, с. 91, 95].

Особую значимость при создании СПП имеют вопросы, связанные с *прогнозированием* определённых криминальных событий и серийных преступлений, в совершении которых может принять участие тот или иной злоумышленник. Оперативно-розыскной прогноз представляет собой научно обоснованное суждение о предполагаемых состояниях объектов, представляющих оперативный интерес. Применительно к «технологии» его разработки возможно использовать положения теории криминалистического прогнозирования, разработанной в своё время профессором Л.Г. Горшениным [6, с. 22].

В заключение следует ещё раз подчеркнуть, что несмотря на довольно высокую вероятность достаточно точного и полного определения розыскных признаков подозреваемого в ходе раскрытия преступлений [9, гл. IV], не вызывает никаких сомнений непроцессуальный характер применения СПП на практике. Это объясняется спецификой используемой для его создания информационной основы и применяемых наряду с криминалистическими методиками оперативно-розыскных мер. Некоторые авторы в этой связи отмечают, что «в ходе исследования особенностей оперативно-розыскного процесса, осуществляемого по фактам преступлений-инцидентов, рассматривают комплексное сочетание таких оперативно-розыскных мероприятий, как опрос, наблюдение, специальные технические мероприятия и т.д., в качестве основы для получения информации, позволяющей составить словесный и социально-психологический портреты преступников с последующим установлением их личности» [10, с. 602]. В этой связи, следует указать на чисто непроцессуальные методики, позволяющие с максимальной степенью достоверностью сформировать СПП. К ним относятся, например, методы оперативно-розыскной диагностики, позволяющей определять психологический профиль человека на основе выявления основных особенностей его характера, а также физиогномики – учения, ориентированного на определение психотипа человека, исходя из анализа особенностей его морфологических и функциональных признаков.

Особое значение для создания СПП в последнее время придаётся аналитическому поиску в Интернете, где содержится достаточно большой объём разноплановых данных, в том числе и тех, которые там размещаются самими объектами оперативной заинтересованности. Наиболее существенное значение представляют социальные сети – информационный ресурс в виде специализированных площадок (онлайн сервисов), предназначенных для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений в ходе общения людей, объединяющихся в группы по разным критериям: родственники, земляки, одноклассники, коллеги, группы по интересам и

прочее, например, ВКонтакте (www.vk.com), Одноклассники (www.odnoklassniki.ru) и др. [17].

Таким образом, создание СПП с использованием криминалистических методик и оперативно-розыскных методов является важным направлением ОРД. С использованием идентификации и диагностики оперативные сотрудники получают возможность моделировать облик и поведенческие особенности определённых субъектов, участвующих в криминальных событиях, с целью принятия последующих мер для их распознания и отождествления. Это обстоятельство приближает правоприменителей к истокам самой сыскной деятельности, когда в качестве важнейших профессиональных качеств любого сыщика рассматривались *три основных слагаемых успеха:* умение наблюдать, знание человеческой натуры и способность к выработке версий [15, с. 61]. На этих же трёх «китах» продолжает базироваться и современная ОРД, в рамках которой одним из важнейших направлений аналитической работы является разработка и использование социально-психологического портрета подозреваемого.

Список литературы

1. Агафонов В.В., Филиппов А.Г. Криминалистика: вопросы и ответы: учебное пособие. – М.: Юриспруденция, 2000. – 159 с.

2. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. – М.: Юрист, 1996. – 335 с.

3. Баев О.Я. Основы криминалистики: Курс лекций. – М.: Экзамен, 2001. – 288 с.

4. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. В 3 т. Т.II. – М.: Акад. МВД СССР, 1978. – 410 с.

5. Галяшина Е.И. Теоретические и прикладные основы судебной фоноскопической экспертизы: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 2002. 40 с.

6. Горшенин Л.Г. Основы теории криминалистического прогнозирования: Монография. – М.: Академия МВД России, 1993. – 123 с.

7. Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. – М.: НОРМА–ИНФРА-М, 1998. – 288 с.

8. Криминалистика / Под. ред. И.Ф. Крылова. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1976. – 592 с.

9. Лаговский А.Ю., Скрыпников А.И., Тележникова В.Н., Бегунова Л.А. Составление психологического портрета преступника. – М.: ВНИИ МВД России, 2000. – 112 с.

10. Основы оперативно-розыскной деятельности / Под ред. С.В. Степашина. – СПб.: Издательство «Лань», 1999. – 703 с.

11. Путилов К.А. Курс физики. В 2 томах. – М.: Госуд. изд. технико-теоретич. литературы, 1954. Т. 1. – 708 с.

12. Россинская Е.Р. Криминалистика: вопросы и ответы. – М: Закон и право; ЮНИТИ, 1999. – 350 с.

13. Самовичев Е.Г. К методологии криминогенетического анализа // Личность преступника: методы изучения и проблемы воздействия: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1988. – С. 50–60.

14. Самойлов Г.А. Основы криминалистического учения о навыках: Учебное пособие. – М.: Высш. школа МВД СССР, 1968. – 120 с.

15. Торвальд Ю. Век криминалистики: пер. с нем. / под ред. и со вступ. ст. Ф.М. Решетникова. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1990. – 334 с.

16. Шланёв В.В., Сорокин В.Е., Матулёнис Р.И. Криминалистические исследования в следственной и оперативной практике: Пособие для следователей и сотрудников оперативных служб территориальных подразделений ГУВД Мосгорисполкома. – М.: ЭКО ГУВД Мосгорисполкома, 1986. – 44 с.

17. Яковец Е.Н. Формирование социально-психологического портрета лица, участвующего в осуществлении оперативно-розыскных мероприятий // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). – С. 64–73.

References

1. Agafonov V.V., Filippov A.G. Criminalistics: questions and answers: textbook. – M.: Jurisprudence, 2000. – 159 p.

2. Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E. Psychology of the criminal and investigation of crimes. – M.: Lawyer, 1996. – 335 p.

3. Baev O.Ya. Fundamentals of criminology: Course of lectures. – M.: Exam, 2001. 288 p

. 4. Belkin R.S. Course of Soviet criminology. In 3 vols., vol. II. – M.: Akad. Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1978. – 410 p.

5. Galyashina E.I. Theoretical and applied foundations of forensic phonoscopic examination: Abstract....doct. Jurid. sciences'. Voronezh: Voronezh State University, 2002. 40 p.

6. Gorshenin L.G. Fundamentals of the theory of forensic forecasting: Monograph. – M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1993. – 123 p.

7. Korukhov Yu.G. Criminalistic diagnostics in the investigation of crimes. – M.: NORM–INFRA-M, 1998. – 288 p.

8. Criminalistics / Ed. by I.F. Krylov. – L.: Leningrad University Press, 1976. – 592 p

. 9. Lagovsky A.Yu., Skrypnikov A.I., Telezhnikova V.N., Begunova L.A. Drawing up a psychological portrait of a criminal. – M.: Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2000. – 112 p.

10. Fundamentals of operational investigative activities / Edited by S.V. Stepashin. – St. Petersburg: Publishing house "Lan", 1999. – 703 p.

11. Putilov K.A. Course of physics. In 2 volumes. – M.: State Publishing house. technical and theoretical. literature, 1954. Vol. 1. – 708 p.

12. Rossinskaya E.R. Criminalistics: questions and answers. – Moscow: Law and Law; UNITY, 1999. – 350 p

. 13. Samovichev E.G. To the methodology of criminogenetic analysis // Personality of the criminal: methods of studying and problems of influence: Collection of scientific tr. – M.: Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1988. – pp. 50-60.

14. Samoilov G.A. Fundamentals of criminalistic teaching of skills: Textbook. – M.: Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1968. – 120 p.

15. Torvald Yu. The Age of criminology: trans. from it. / ed. and with an introduction by F.M. Reshetnikov. – 2nd ed. – M.: Progress, 1990. – 334 p

16. Schlanev V.V., Sorokin V.E., Matulenis R.I. Criminalistic research in investigative and operational practice: Manual for investigators and employees of operational services of territorial divisions of the Moscow City Executive Committee GUVD. – M.: ECO GUVD of the Moscow City Executive Committee, 1986. – 44 p.

17. Yakovets E.N. Formation of a socio-psychological portrait of a person involved in the implementation of operational investigative measures // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2 (50). – pp. 64-73.